

ЭПИДЕМИЯ

*У всех пневмония, температура 40,
антибиотики, вентиляция – не помогают.
Лежат уже на улицах. Ходим в респираторах
и балахонах. Город закрыт.*

(стр. 122)

М.ВЕЛЛЕР

МОСКВА—АПОКАЛИПСИС

Михаил Иосифович Веллер

Москва—Апокалипсис

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53575563
Москва-Апокалипсис / Михаил Веллер: АСТ; Москва; 2020*

Аннотация

Книга Михаила Веллера «Москва-Апокалипсис» вышла впервые под названием «Б. Вавилонская» в 2004 году. В ней известный писатель и философ пророчески предсказал эпидемию убийственной пневмонии в Москве. С потрясающей точностью угаданы детали катастрофы, опустошающей Москву. Но это лишь одно из стихийных бедствий, обрушившихся на столицу.

Содержит ненормативную лексику!

Содержание

Энергия пророчества	8
Мене	10
Белый ослик	10
1	10
2	12
3	13
4	19
5	20
6	24
7	26
8	28
9	29
10	31
11	47
12	49
13	54
14	59
15	68
16	70
17	78
Текел	79
Москва-Апокалипсис	79
1. Жара	79

2. Холод	89
3. Ветер	100
4. Потоп	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Михаил Веллер

Москва-Апокалипсис

© М. Веллер, 2004

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Энергия пророчества

...— А когда Вы впервые заметили, что Ваши книги сбываются в реальности?

— В начале июня 96-го года я закинул «Жару» (ставшую первой главой нового романа «Б. Вавилонская») в несколько московских изданий. А сам уехал на хутор в Эстонии ловить в тени рыбу. Через неделю звонят из Москвы и хохочут: «У нас тут тридцать четыре градуса, битум с крыш льет, срочно пиши про холод!...»

— А дальше?

— А дальше через год в Германии еду поездом из Кёльна в Бремен и от скуки пишу «Ветер». Приехал, сели, выпили, включили телевизор, а там новости из Москвы: ураган снес деревья, рекламы, несколько человек погибло. Тут-то мне жутковато стало...

— Вы не боитесь, что публикация Вашей новой книги закончится катастрофой государственного масштаба?

— Землетрясение происходит не оттого, что мяукает кошка, она просто улавливает возникающие колебания. Писатель — это кошка, озвучивающая неслышимый еще другим рокот грядущих перемен. А что скоро грянет черт-те что и мало никому не будет — не сомневайтесь.

— Людей уже тошнит от страшилок. Хочется света, надежды, добра. Вы ведь всегда были оптимистом!

– Есть такая профессия – правду говорить. Я предсказал в «Гонце из Пизы» президентство Путина, разгром НТВ, репрессии против олигархов, закручивание гаек и конец демократии. НЕ УСЛЫШАЛИ! Предсказание не должно пугать – оно должно подготавливать людей к грядущему, мобилизовывать на борьбу и победу...

Из интервью газете «Вечерний Нью-Йорк»

Мене

Белый ослик

1

Сначала требовалось достать белого осла. Он был не убежден, что именно белого, но так представлялось надежнее, с запасом гарантии, что ли. А еще спокойнее – ослицу.

Прежде всего осел ассоциировался со Средней Азией, Самаркандом, Тимуром, базаром и урюком. Но это рождало, в свою очередь, другую ассоциацию, неприятно-анекдотическую: «Армянское радио спрашивают: можно ли доехать на осле от Ташкента до Москвы? Ответ: нельзя – по дороге его съедят в Воронеже». В Средней Азии уже десять лет идут гражданские войны, а рисковать собой сейчас нельзя.

Когда-то в городском зоопарке ушастый печальный ослик катал в тележке детей. Он цокал по аллеям мимо клеток и гуляющей публики (так и хотелось сказать – мимо клеток с публикой), прядал ушами и звенел бубенчиками, резиновые шины шелестели. Мысль о зоопарке была естественной.

Имея малый опыт еще советской, и больший – суровой и откровенной постсоветской реальности, обращаться в ди-

рекцию он, конечно, не стал. Чем ниже уровень – тем легче цена вопроса. А спросил прямо на входе контролершу, пропахшее зверинцем бедное чадо унисекса, где конюшня: он хочет задешево поставить корма.

В большой, полутемной и пахучей конюшне две девчонки с метлами и скребками направили его к старшему конюху. Конюх был кайф, сидящая борода пахла хлебной водкой, сытно и уютно. Поскольку жеребцы ослов не переносят, ослиная семья содержалась в отдалении, непарнокопытное нацменьшинство.

– Белая ослица нужна, – прямо сказал он.

– Ну, и для чего вы мне это сообщаете? – хамовато бросил конюх. – Здесь не зоомагазин. – Отвернулся и закурил. – Тоже еще... Идите, гражданин. Я сказал: идите!

– Тонна комбикорма, – последовало уточнение. – И полтина баксов тебе.

– Ослы, – отчужденно сказал конюх через плечо, – белыми не бывают... посетитель. Ослы преимущественно мышастой масти. Серые. Гнедые бывают. Карабахские ишаки, опять же... А альбинос – это феномен.

– Феномен, говоришь? Ладно. Стольник. И два мешка овса. А овес нынче дорог, – не удержался он.

– А нынче все дорого, – отпарировал конюх, но снизошел до вежливого вздоха. Лицо его выразило мучительное желание человека сделать серое белым. И личное, почти дружеское огорчение невозможностью этого.

– Анжела месяц назад родила, – сообщил он наконец тоном дипломата, готового в кулуарах нарушить интересы родины из симпатии к партнеру. – Девочка. Светленькая.

– Так пошли, посмотрим.

В тесном деннике замшевый, дымчато-белый осленок ростом с табуретку топал копытцем в опилки. Он посмотрел на покупателя игриво-печальными вишнями несовершеннолетней гейши.

– Повезло тебе, – сказал конюх. – Давай-ка пива попьем.

Вопроса насчет обещанных кормов не было: все прикупалось на рынке или ближайшей к городу ферме.

Пиво было хорошее. Пробки конюх снимал кромкой обручального кольца. Борода его вспушилась, хлебный запах от нее усилился.

– Да хрен с ним, с кормами, это я сам разберусь. Бабки давай. Нет, ты погоди, считай сам: мне его списывать придется, это бумаги оформлять, начальство – оно тоже все понимает, верно? с этим считаться надо; репутация моя, опять же, страдает: это ведь все тоже расходов требует, правильно?

Они поторговались. Конюх дозрел до водки и стал осленку отец родной.

... Ослы понятливы и растут быстро.

2

В Разливе было полно комарья, зато людей не было вовсе.

Если мазаться диметилфтолатом, думалось просто отлично.

Он прожил там полтора месяца. Ловил рыбу и строил планы. Оброс, одичал, но мысль достигла ясности необыкновенной, он чувствовал, как накапливается в нем энергия.

Забросанная сенцом палатка напоминала снаружи не то стожок, не то шалашик. Вечером, под звездами, уютно булькал на огоньке чайник. Ослик подходил, тыкался замшевой мордашкой. Он дергал для него ночью морковку с колхозного поля. Не грех, все равно иначе осенью сгниет.

Покидать славную пустошь ослик отказался, заупрямился.

– Неохота? – печально улыбнулся он, стягивая его с места за повод. – М-да... Мне тоже, может, не очень охота... честно-то говоря. А что делать. Идти пора.

3

Он въехал в Москву по Ленинградскому шоссе. Синий жестяной указатель на обочине обозначал границу города.

– А где Львиные ворота? – спросил он у гаишника с автоматом, зевавшего, облокотясь на свой молочный «опель».

– Да вот здесь и стояли, – сказал гаишник с неприязнью к действительности. – Потом в приватизацию муниципалитет заключил с кем-то договор их отреставрировать, увезли – и до сих пор с концами. Так теперь все и ездят, как хотят. – И для большей выразительности он сплюнул. – А вы почему

на осле?

– На машину не хватает.

– Жрет много?

– Да ну. Утром покормил – и на весь день хватит.

– Экономичный, – похвалил гаишник. – Ну т-ты Кирюха!.. – фамильярно ослабился он: добродушная власть шутила.

– Ты сказал.

– Что я сказал?...

– Что меня зовут Кирилл.

Гаишник замкнул черты лица в служебную ряху, лениво выпрямился и, с презрительной небрежностью обозначая официальную процедуру, сунул рукой к козырьку:

– Документы ваши, пожалуйста.

Кирилл полез во внутренний карман, но тут по пленке жидкой грязи, кроющей шоссе, тяжело прошелестел огромный вольвовский фургон, напарник гаишника выскочил с жезлом, фургон стал тормозить, рядом с ним материализовался БМВ предупреждающего цвета «мокрый асфальт», и из него полезли трое братков.

– На гужевом транспорте в центре только по специальному разрешению, – по инерции еще выламывал рот гаишник, уже забыв о Кирилле и поспешая на разборку.

«Мне в четыре, не позже, надо на таможенной площадке быть», – донеслось оттуда, водитель махал бумагой, следом за фургоном пристроился и встал второй, браток тыкал

в мобильник, другой раздернул молнию кожанки, автоматчик отступил на шаг и зафиксировал рукой висевший на боку «калаш». Как пузырьки, выбулькивали отдельные слова: «вопрос», «лавэ», «откат» и тому подобные индикаторы делового разговора. Двери фургона с лязгом разъехались на петлях: он был забит пестрыми картонными ящиками.

Кирилл на своем белом ослике процокал в середину группы, недоуменно воззрившейся на помеху.

– Человек везет гуманитарную помощь. Детское питание, – обратился он. – С него нельзя брать деньги. Рождество и так упала ниже уровня простого воспроизводства населения. Если бы она упала раньше, вас бы всех здесь не было, и это было бы гораздо лучше. Вы должны подумать об интересах тех, кто еще не может держать в руках оружие. Страсть к наживе погубит народ, надо быть добрыми и помогать друг другу. Людей надо любить, а не грабить.

Бандиты и менты весело расширили глаза. Застырянный белый плащ и запущенная молодая борода вкупе с речью всадника на несурзном транспортном средстве совершенно уподобляли его бомжующему городскому сумасшедшему: состоит на учете в психдиспансере, но без посадки в переполненный стационар как социально не опасный. Ослик разинул белозубую пасть и сказал: «И-а!»: картина сделалась вовсе настоящей, будто все вдруг оказались участниками уличной киносъемки.

– Проезжай, проезжай, человек, – без злобы приказал

один из них, насытив взор развлечением и побуждаемый необходимостью завершить переговоры. – Проезжай, осел! – повторил он, обращаясь к тому из них двоих, кто, по его мнению, мог быстрее выполнить приказ.

– Баварские Моторостроительные Заводы вредят экологии, – укорил Кирилл.

– А ослы помогают, – хохотнул браток с мобильником.

– Он за драндулеты агитирует! Дилер по «жигулям».

– Покупая автомобили их производства, вы обогащаете их толстосумов, немецких бюргеров...

– Вот тут ты, брателло, в натуре, не прав. Мы их не обогащаем, будь спок.

– ... и на самом деле они радуются, что вы рискуете своими единственными жизнями и кладете свою молодость на то, чтобы их конвейеры работали непрерывно, обогащая их. Я не удивлюсь, если окажется, что бандитизм в России стимулируется из-за рубежа концернами БМВ и «Даймлер-Бенц» ради повышения сбыта их продукции. Можно сказать, что русские бандиты – это агенты Германии.

У аудитории не хватило интеллигентности понять скрытое обвинение в большевизме.

– А правительство ездит на «волгах», – насмешливо сказал гаишник.

Водитель фургона пошевелил губами и стал медленно прятать документы в сумочку.

– А срок хранения этого детского питания, – ткнул в него

пальцем Кирилл, – давно просрочен. Не говоря о сроке реализации. Наверняка все переложено в заново напечатанные пачки. В наших условиях вообще любой бизнес делается преступным, и идет во вред не только потребителям, но и самим бизнесменам. Они не только губят свою душу, но и портят нервы, а от этого болеют всеми болезнями и совершают непоправимые ошибки, которые в конце концов стоят им жизни. Вы все вдумайтесь – на Кого вы работаете.

Невысокий и самый юнолицый из бандитов переступил перед проповедником и картинно размял правую руку, на показ отводя ее.

– Двух ослов одним ударом, – объявил он номер и развернулся.

– В молодости я тоже мечтал стать бандитом, – поспешно проговорил Кирилл ему в глаза. – Мне хотелось быть сильным, храбрым и богатым, чтоб парни меня боялась и завидовали, а девушки восхищались и любили. Но мне не хватило храбрости и физической силы. И тогда я сам стал любить всех, и сила моя оказалась в этом. Я хочу вам только добра.

– Добрый, как следователь, – покрутил головой раздумавший бить браток.

Сотоварищ покосился на него неодобрительно и как бы невзначай коснулся навороченного креста на соответствующей цепи:

– Вы что... типа странствующего монаха? – на вежливом уровне попытался уразуметь он. – Так мы с церковью... как

бы вам сказать... сотрудищаем.

Человек был демонстративно неопасен и необиден. И как-то даже хотелось не наказывать его за то, что без понятия лез не в свое дело. Блаженный идиот... бывает. При том, что в странности его присутствовало что-то диковатое и необъяснимое, а необъяснимость есть род скрытого предостережения.

Фургонов стояло уже четыре, а напротив распахнул все четыре дверцы грязно-розовый «крайслер», и оттуда смотрели четыре смуглые щетинистые лица явно кавказской национальности. Четыре сбоку (ваших нет). Наступал час пик, и плотная пробка ползла по Ленинградке в обоих направлениях.

Уже после кольцевой, за Химками, въезд выглядел так: на ослике, который из почти белого приобрел тот самый серый цвет, который и был наиболее распространен и подобающ ему от природы, сидел долговязый и бородатый молодой человек в измызганном плаще переходящего колера: от кремового ворота к буро-черный полам; за ним ехал полосатый, как зебра или милицейский жезл, «опель» с мигалкой; следом – БМВ гигиенических оттенков грязного шоссе, сизо-коричневый «крайслер» с розовой крышей и четыре тридцатитонника на шести осях каждый. Скорость течения дорожного потока позволяла ослику трусить привычным для него шагом. Водители встречного автотранспорта бросали взгляды на нехарактерное средство передвижения.

В закоулках у Водного стадиона в щель казенных бетонных заборов вылез зачуханный солдатик. Он послал одинокому всаднику полный зависимости взгляд и вежливым гражданским голосом попросил:

– Простите, пожалуйста, у вас сигареты не найдется?

Шейка у солдатика была, как у балерины, только хуже вымыта. В хэбэ въелся запах прогорклого кухонного жира. Он колебался на своем скелете, как на вешалке. Припаханный салабон, которого дед погнал за фильтром.

– Здравствуй, воин, – улыбнулся Кирилл и слез с ослика. – Тут мне недавно кое-что подарили... на память о встрече: как раз пора разговеться. – И сделал приглашающий жест на сломанный ящик под деревом.

Из бездонных карманов плаща были извлечены: початая темная склянка «Амаретто», кусок датского сервелата, спикерс и пачка «Парламента». Солдатик дрогнул кадыком и вздохнул.

– Чтоб легче нам служилось, уж что выпало, – со смыслом произнес Кирилл тост, приветственно приподнимая бутылку, глотнул и передал: – Половина твоя. – Переломил колбасу: – Закусывай.

Потом они покурили, и Кирилл послушал, что кормят впроголодь помоями, а дедовщина, конечно, есть, куда де-

нешься.

– Вот станешь сам стариком, захочешь припахать молодого – а ты вспомни нашу встречу и будь добрым, – пожелал он солдатику и вытащил ему из пачки пять сигарет. И дал еще на прощание пятьдесят рублей.

5

Ослика он оставил на детской площадке. За гаражами трое малышей лупили четвертого. Судорожно зареванный, он пытался отмахиваться неуклюжими в синем дутом комбинезоне ручонками.

– Сейчас я вас накажу, – ясным голосом предрек Кирилл. Они задрали головы и остановили движения.

– Вот вам теперь будет! – с подловатой мстительностью закричал обидчикам побитый, отбегая к подъезду. Он воспользовался замешательством исключительно для собственного спасения. – Я все равно все расскажу!

– Я привез тебе в подарок ослика, – сказал Кирилл.

Малыш остановился. Неожиданность подобного известия может поколебать в реальности кого угодно.

Один из драчунов зачем-то потрогал подсохшую царапину на щеке и прошептал, стараясь не шевелить губами:

– Волшебник?... на осле...

– Маленький, что ли?... из цирка... – таким же незаметным шепотом возразил другой.

Невольное и естественное любопытство тянуло приблизиться к симпатичному животному.

Третий, самый нагловатый и злой даже в эти свои малые года, естественно реагируя на то, что ему этот несуразно-сказочный подарок все равно не светит, и вообще ничего хорошего ему в жизни не светит, если только сам хитростью или силой не добудешь, он это давно понял и другого не ждет, так что что ни делай – хуже, в общем, все равно не будет, – этот с развязностью сказал, пытаясь держаться как равный и даже свысока (ну, и чего ты мне сделаешь? я тебя не боюсь) – будущий лидер одной из бесчисленных московских группировок:

– Ты что, артист? А сюда чего приехал?

– Сделать вашу жизнь хорошей, – улыбнулся Кирилл.

– Сейчас. Это как? – с насмешкой и подозрительностью спросил лидер.

Кирилл с показным сокрушением покачал головой и обратился к обиженному, готовому чуть что юркнуть в подъезд:

– Если тебя ударят по одной щеке – не бойся, подставляй другую.

– Еще-о чего! – изумился самый маленький, прикрывая оцарапанную щеку.

Оскорбители звонко засмеялись.

– Понял? А ну подставляй! – сделал угрожающий шаг к подъезду лидер. Жертва приросла к месту и раскрыла рот

квадратиком, готовая вопить.

– И тогда ты всегда будешь торжествовать над врагами, – продолжил Кирилл, слез с ослика, взял его в повод и подвел к малышу. – Это тебе. Держи, ну.

Малыш ахнул, пискнул и засветился. Мир исчез. Ослик был живой, настоящий, он дышал теплом и помаргивал.

– Мне мама... не разрешит... – умер он от отчаяния и вернулся в действительность.

– Разрешит, – успокоил Кирилл. – Он будет жить у вас на даче.

– Филипка, бери! – закричали сзади.

– Давайте я возьму! Мне разрешат! – поспешно предложил другой.

– У них нет дачи, – глумливо известил лидер, рассчитанно уязвляя.

– Лучше мне дайте! Ему все равно не разрешат! – готовно и без надежды наседал доброволец.

– А ты, Вован, не лезь! не тебе дают! – прониклись справедливостью двое других. – Может, он родственник. Понял?

– А что он ест?

– Сено, дурак!

– Сам дурак, это не лошадь, он ест морковку.

Кирилл воспитующим тоном поведал:

– А если бы вы были друзьями, это был бы ваш общий ослик. А кроме того, это ослица, у нее будут ослята, и у каждого скоро был бы свой собственный ослик.

Дети помолчали. Условие выглядело слишком нежизненным и набившим оскомину, чтобы перспектива казалась правдоподобной.

– А что для этого нужно делать? – через силу спросил наконец ослолобивый Вован, глядя под ноги.

– Любить друг друга, – пояснил Кирилл.

Лидер перевел сентенцию на современный русский, и он поперхнулся.

– Заткнись, козел, – сказал Вован. – Чего? Что слышал. Да не лезь ты! Не драться, да... не жадничать... да?

– И не ябедничать!

Кирилл записал на пустой сигаретной пачке номер воображаемого мобильного телефона:

– Ты цифры знаешь? Спрячь. Вот: если Филипок мне позвонит и пожалуется, я приеду снова, и...

– Накажете?

– Отберете?

– Тогда узнаете, но лучше не надо. А теперь первой покажите девочку. Как тебя зовут? Катя? Давай-ка я тебя посажу, Катя. Слезешь? А вон на тот ящик, с него удобно.

Когда мама Филипка открыла на звонок дверь и увидела на площадке девятого этажа сына, держащего за повод грязноватого живого осла, она естественно лишилась дара речи.

День был весенний и грязный. На бульваре выгуливали собак. Двое ну вовсе молодых людей, похожих на проникшихся идеей десятиклассников, благодетельно сунули Кириллу брошюру «Путь к спасению». Дешевая серая обложка была украшена патриаршим крестом.

– Спасибо, – деликатно отказался Кирилл. – Простите, у меня собственный взгляд на этот предмет. – Он всячески старался не обидеть юношей в их лучших намерениях и религиозных чувствах.

Адепты настаивали с превосходством посвященных.

– Вы прочтите, и многое поймете, – убеждал доброжелатель в сереньком пальто. Неколебимая убежденность его тогда словно покоилась где-то на горней твердыне и раздражающе контрастировала с инкубаторским личиком потребителя паракультуры.

– О чем вы... – поморщился Кирилл, и застонал: сорвался: – О чем вы! Вы что, считаете себя последователями Христа?! Что, хоть кто-то из тех, кто нес в мир христианство ценой своей жизни, носил шитые золотом одеяния? Или строил забитые золотом храмы? Или молился изображениям, нарисованным красками на досках? Это же та церковь, которая веками благословляла оружие своих государств! И молилась за благоденствие кровососов-правителей. Собирала

с простых людей налоги и пожертвования и составляла себе богатство. Жгла инакомыслящих, продавала должности и отпускала грехи за деньги. Церковь объявила себя посреднической фирмой между людьми и Богом... бестолочи вы! Дилеры, супервайзеры, рекламщики... идиоты. А сегодня русская православная церковь – один из крупнейших в стране торговцев табаком и алкоголем, выхлопотала себе налоговые льготы, учредила фирмы и зарабатывает миллионы на ввозимой водке и сигаретах! А вы – стадо заблудшее: вам что в комсомол, что в церковь – лишь бы строим и с песней. Подите прочь, безмозглые торговцы!

И он выбил из рук того, который был молчалив и прыщав, большую кружку для пожертвований с прорезью и замочком. Кружка упала в лужу. С неожиданной ловкостью и прытью прыщавый сборщик пожертвований ударил Кирилла в ухо.

Татарин-дворник перестал шаркать метлой по дорожке, посмотрел на осквернителей своей территории с ненавистью и стал злобно дуть в свисток:

– А ну нечего тут безобразничать! (Нарушители были несерьезны, власть его.) Пошли отсюда! Верующие люди так себя не ведут.

Стриженный качок с бультерьером на поводке посоветовал:

– А ты не суйся... мусульманин!..

Двое чеченцев, мирно отдохавших на лавочке, как бронепоезд на запасном пути, прервали свою беседу и перешли на

русский:

– Тебе не нравятся мусульмане, братан? – вкрадчиво спросили они, показывая готовность встать.

Пузырчатое кипение внутри Кирилла ударило через край и полыхнуло перед глазами розовым и зыбким.

– Во-он отсюда!!! – заорал он на юных распространителей религиозной литературы, еще недавно бывшей опиумом для народа. Исказившееся лицо подергивалось нешуточным чувством. Десятиклассники почли за благо удалиться по возможности независимо, оглядываясь на шум начавшейся свары. Из притормозившего «газона» лениво следил милиционер, оценивая, есть ли смысл вмешаться: сулит ему это какие выгоды, и не перевешивают ли их возможные хлопоты или даже неприятности.

7

Само собой, он должен был устроиться в школу. Тут сложностей не предвиделось: зарплаты ниже прокорма, и те затягивают, все разбегаются.

Ближайшая голубела тут же, за оградой и голыми деревьями – ностальгическая архитектура мажорных пятилеток, сплошные ряды высоких оконных переплетов.

Плащ перекинул через руку чистой подкладкой наружу.

– Своих учителей девать некуда, голубчик... – вздохнул директор, даже не интересуясь дипломом. – Рождаемость...

Классы сводим. Все трясутся доработать до пенсии, о чем вы...

Кирилл растерялся. План дал трещину глупо и некстати. Ночлега и знакомых не было. Портрет президента над директорским столом пронзал печальным взором спецслужбиста.

Но – проблеснуло неожиданно. В школе обнаружилась вакансия дворника и по совместительству кочегара. Прежний выпил чего-то ценой в соответствие зарплате, и волшебный эликсир перенес его в то дальнейшее зарубежье, где всеобщая безработица есть синоним вечного счастья.

– Один кочегар на четыре ставки не справляется... – раскладывал огорчение по деталям дир. – Все старье, на угле, женщину на тачку не возмешь... а дворником – работать надо, зимой каждый день территорию убирать. Если вам это подходит – то считайте, что повезло: вовремя.

Улыбка кандидата была сочтена за туманное пренебрежение.

– Служебная жилплощадь, – подсластил он. – У вас с жилплощадью как? Лимитная прописка. Да, вы москвич? Решайте. У нас учительницы по совместительству уборщицами работают, еще спорят за эти ставки. Полы протерла – и как за пять уроков... никаких тебе проверок тетрадей и нервовотрепки.

Старомодные часы с маятником в форме серпа захрипели и бомкнули.

В коридоре загрохотало и захлопало.

– Когда приступить? – спросил Кирилл.

Директор пожал плечами, сумев вложить в этот неопределенный жест одобрителное и даже дружеское выражение:

– Как обычно – вчера.

– Но в таком случае у меня к вам есть еще одна просьба...

8

Проститутка была тощая, юная и даже милая. Скорее всего она походила на побитую бедными заботами и закаляемую ими же студентку техникума. Дитя рабочей провинции. «Сложение астеническое», – вспомнил Кирилл картинку из учебника анатомии и физиологии. Почему-то казалось, что изо рта у нее уловимо веет ацетоном: не то генетическая предрасположенность к туберкулезу, не то просто специфика обмена веществ.

Спозаранок она шлепала пешком – как оказалось, после неудачной ночи. Сначала спросила сигарету, потом напросилась на чашку кофе – «согреться».

– Согрелась, – пробурчал Кирилл, снимая ее с колен. С ней хотелось не столько заниматься сексом, сколько плакать. Взять даже немножко денег за просто так у дворника она отказывалась: не позволяли совесть и профессиональная этика, как она отрезала в прямых выражениях.

– А чего это ты такой добрый с блядью? – спросила она. – Ты сектант или импотент?

– Не называй себя так, – попросил Кирилл.

– Ути, какие мы деликатные, – презрительно сюсюкнула она. – А как тебе хочется? Платная девушка? Путана? Ночная бабочка? Жрица любви? Какой культурный дворник.

– Ты просто бедный ребенок, которому хочется человеческой жизни. А жизни нет. Давай лучше подумаем, чем я могу тебе помочь.

– Ой, – протянула она, – сейчас я заплачу. Помочь! Трахнуть и заплатить.

Она нашла в чашке на полке семечки и стала лузгать. Весенний рассвет бил сквозь зарешеченное, как в камере, окошечко дворницкой под потолком. Время года, суток и освещение решительно настраивали на бодрый лад.

– Ни в ежа, ни в ерша, ни в рогатую кошку, – посочувствовал Кирилл. – Да не ерепенься ты так! Ты же очень хорошая на самом деле. И сама знаешь, что в конце концов все у тебя будет хорошо.

Она брызнула шелухой и показала ему кукиш.

– Не люблю чокнутых, – объяснила она.

9

А просьба к директору заключалась в организации философского кружка.

– Поскольку вообще-то я думаю о преподавании... – изложил Кирилл, – можно, пока ставок нет, вести хотя бы кру-

жок? Бесплатно, – поспешно добавил он.

Из слов «философский» и «бесплатно» директор обратил внимание на второе.

– Бесплатно? – переспросил он с сомнением. – Ну, почему же нельзя. Бесплатно можно. Очень хорошо! – И хлопнул Кирилла по плечу. – Если, конечно, наши современные детки в свое свободное время станут к вам ходить...

Вопреки опасениям директора, народу собиралось до дюжины. Ребятки отнюдь не были так тупы и меркантильны, как любят пожаловаться бестолочи из «поколения отцов».

Как всегда свойственно жаждущей молодости, они хотели знать – но чтоб те знания имели отношение к смыслу жизни: вранье, что знания сегодня не в цене и не в чести, все больше сводясь к тому, как сделать деньги.

Еще больше они хотели верить – но вот насчет верить проблем было еще больше: что ни месяц телевизор оповещает о новых открытиях, и каждое все глубже располагает к разочарованию, безнадежности и цинизму: все врут, все продажны, вместо перспективы – альтернатива: податься в волки – или в бараны. Сильный зол, добрый бесправен. Умный – сволочь, хороший – глуп.

– Почему же они наверху все такие шкуры, Кирилл Андреевич?

– А вы что, собрались в депутаты? Нас здесь с вами не интересует карьера, правда? Нас интересует гораздо более важная вещь: как устроен этот мир, и как быть в нем счаст-

ливым. Вот к этому и сводится философия.

Больше всего фокусники и философы опасаются детей. Устами младенцев глаголет голый король. Лапша не держится на ушах.

– А самые мудрые философы были счастливы, Кирилл Андреевич?

– Да! Но не так, как самые сытые и богатые. Их счастье было в том, что они знали и поняли все, что можно. А это кайф, дети!

10

– Расскажите, что же привело вас сюда? – спросил Познер, телезвезда и ведущий передачи «Человек в маске» своим обаятельным, с ноткой всепонимающей печали голосом. Голос был добр, но внутри этой доброты можно было различить несогласие со всем на свете.

Интересно, это у него баритональный тенор или тенорный баритон, подумал Кирилл.

Под маской было душно. Высокий стул с прямой спинкой и подлокотниками напоминал электрический. Студия быстро накалялась слепящими лампами, и закрытое лицо вспотело. Ряды зрителей терялись за подсветкой. Обстановку трудно было назвать комфортной для раскрытия души. Зато рейтинг передачи был высок, и сейчас Кириллу готовы были внимать миллионы.

– Я должен сказать всем истину, которая покажется им неприятной, – сипло выговорил он и откашлялся. Присадку для изменения голоса он отверг за ненужностью, но все равно из-под маски и через микрофон звучало странно.

– Человечество только и делает, что выслушивает от всевозможных пророков неприятные истины, – легко подхватил Познер в свой микрофон, присаживаясь на краешек высокого табурета. – Почему же ваша истина такова, что вы решили скрыть свое лицо от тех, к кому обращаетесь?

– Потому что нет пророка в своем отечестве, а под маской я перестаю быть человеком и превращаюсь... как бы... в персонаж античного театра, носителя конкретной идеи.

– Вот как, – кивнул Познер и подался вперед, прошелся. – И какова же идея?

– Дело не в том, что мы грешим. Дело в том, что часть своих желаний и поступков мы всегда определяем как греховные. Суть не в том, что нам свойствен грех. Суть в том, что нам свойственна особенность, потребность ощущать себя в чем-то греховными. Вы понимаете? Первичен не грех. Ни один поступок, ни одна мысль сами по себе не могут быть греховны. Они становятся греховными тогда, когда наша потребность в греховности определяет – а вернее сказать, назначает – какие-то мысли и поступки как точки приложения себя, области реализации себя. А почему? А потому что человек всегда неудовлетворен этим миром. А мир для него – представление внутри него самого. И он неудовлетворен со-

бой. Почему? Потому что он энергоизбыточен. Он по природе своей изменять. Он всегда имеет идеал. Идеал означает, что реальность недостаточно хороша, недостаточно правильна, требует изменения. Грех – это ножницы между идеалом и реальностью, и только. А поскольку идеал как противопоставление реальности недостижим в принципе, как горизонт, то понятие греха всего лишь обозначает, что наш удел – вечное преобразование мира. Вы понимаете?

– Пока я не понимаю – и аудитория, кажется, тоже. Итак, вы отрицаете понятие греха? Так, ну и что же? Были и такие теории.

– Вы ошибаетесь. Таких теорий не было. Хотя понятие греха, действительно, некоторые отрицали. Но с других позиций. Хотя это – частность, главное не в этом.

– А в чем же?

– Почему человек не живет по уму? – задал вопрос Кирилл и начал успокаиваться, чувствуя, что сейчас начнет говорить главное – просто, ясно и неотразимо. Вот он – миг, час, его звездный час, ради которого он явился на свет. – Почему живет не по совести и не по добру: воюет, жадничает, губит жизнь из-за ерунды и так далее, а теперь вовсе может всю жизнь на Земле уничтожить?

Вот главный, отправной вопрос: почему человек сплошь и рядом, добровольно, по собственному выбору, понимая смысл и последствия своих поступков, поступает себе же во вред? И знает – а делает: вот хочется и все, сил нет отказаться-

ся. И говорит себе: здоровьем заплачу, счастьем, жизнью, благополучием близких, – но сделаю: весь смысл жизни для меня сейчас в этом, без этого ничего мне не надо.

Это карьера, это сражение, это выбор партнера в любви, это погоня за богатством и славой, это следование порокам, от которых вроде бы можно и отказаться, ну, типа игры или курения.

Проще всего ответить: это его Дьявол подталкивает. Это самый простой ответ, который ничего не объясняет. Дополнительная вводная, вроде постоянной Планка. Дьявол – это этикетка, которую удобно наклеить на все, что представляется плохим и неправильным. Греховным. Налепил этикетку – и успокоился. Как говорят турки: «Главное – дать происходящему имя, а там хоть ковер из мечети выноси».

– Если сейчас вы скажете о вечности двух начал – Добра и Зла, и вечности борьбы между ними, то это, в общем, манихейство, – сказал Познер, и Кирилл был приятно удивлен его образованностью. – Пророк Мани умер в тюрьме полторы тысячи лет назад, и вам нет никакого смысла страдать за его учение. Действительно, оно веками вызывало в мире сильный резонанс. Если у вас есть ваша собственная теория, оригинальная, то давайте, изложите нам ее. В чем же она, ваша истина?

– Хорошо, – сказал Кирилл. – То, что я вам сейчас буду говорить, до меня не говорил никто. Это последняя философская система уходящего тысячелетия. Универсальная и

всеобъемлющая. Кстати, в русской культуре первая вообще.

Многие частности покажутся вам знакомыми, иначе быть не может. Любой философ знаком с предшественниками, черпает у них что может, переосмысляет и идет дальше. Не путать с компиляцией или тем более с плагиатом.

Все мы стоим на плечах гигантов, но не все при этом карлики. Никто до меня не сводил воедино все, о чем я скажу. Никто не рассматривал все в мире и человеке воедино с такой точки зрения. Никто не приходил к таким выводам – как частным, так и результирующему.

Итак? Поехали.

Мы говорили, что часто человек поступает как бы во вред себе. Сознвая это! В чем дело?

Все поступки человека определяются его стремлением к ощущениям. Как положительным – так и отрицательным! Ему потребны и те, и другие! Субъективно жизнь человека есть сумма ощущений. Заметьте – такая точка зрения уже высказывалась, но: далеко идущих выводов из этого никто не делал, и со всем мирозданием никто не увязывал. Почему-то.

Давайте для простоты я буду как бы перечислять. Как бы по тезисам.

Первое. Каждый человек знает, что ему надо для счастья. Богатство, здоровье, любовь, слава и так далее. И почему-то *что-то* ему вечно мешает поступать так, как надо бы для достижения этого: пьет, курит, губит планету, не женится на

любимых, то ему совесть мешает, то вспыльчивость, то свободой своей дорожит то сиюминутным искушениям следует. А самое смешное – самые богатые, знаменитые и любимые совсем не самые счастливые. Почему?

Второе. Что для человека главное? Он перечислит то, о чем мы только что говорили. Деньги, любовь, здоровье, слава и так далее. Это для него – атрибуты и синонимы счастья. Это главное. А так ли? Жизнь наша – сплошное прошлое, настоящее – лишь тут же отходящий в прошлое миг. И вот когда человек вспоминает главное в своем прошлом – лучше, ярче, яснее помнится не то, что связано с главным в жизни и карьере, а как бы мелочи неожиданные, и еще – миги главных душевных напряжений, миги наибольшего обострения всех чувств. Смерть подо всем черту подводит – и главным оказывается в основном не то, что человек раньше думал.

Третье. Главным оказываются максимальные ощущения. Максимальные напряжения чувств. Война, любовь, тот труд, когда жилы рвал. Но не только, а еще – на рыбалке в тихую воду смотрел, с другом детства за бутылкой курил. Сила ощущений не зависит прямо от действий, которыми ощущения вызваны, иногда действий и вовсе нет, а просто хорошо, или плохо, или даже неважно как, а просто все чувства обострены, и в память это западает. Вот это для человека на самом деле и главное.

Четвертое. Счастье не во внешних обстоятельствах, а в нашем внутреннем состоянии. И, значит, для достижения

счастья надо не гнаться за внешними обстоятельствами, а приводить свой внутренний мир в такое состояние, чтоб быть счастливым. Ни от чего. От всего. Небо голубое, дышится приятно, не болит ничего, и вообще кайф. Буддизм, грубо говоря.

Пятое. Тогда – пошли все в буддисты или наркоманы. Кайф. И не надо пуп рвать. Нюхнул, вколол, накатил – и счастлив. Млеешь. Просветляешься. По сказочным мирам путешествуешь. Некоторые так и делают. Так почему не все?

Шестое. А потому, что для этого оказывается ненужным очень многое, что есть у человека. Ум. Физические силы. Воля, характер, энергия. Быть счастливым и без этого можно. Жми лапой педальку и замыкай электроды в центре наслаждения в мозгу. Да такая крыса счастливее трудяги-пахаря. Почему все не идем в крысы? В наркоманы? Почему большинство хочет думать и действовать?

Седьмое. Потому что самый сильный инстинкт – это вообще инстинкт жизни. Жить хоцца! Да, но жизнь – это ощущения? Буддист, наркоман, фанат компьютерных игр – это ощущатель. А трудяга-пахарь – это действитель. А жить – это значит не только ощущать. Жить – это значит действовать. Нам на фиг не надо горы переворачивать, и так жить можно. Можно? Нам – нет. Инстинкт жизни заставляет действовать. Чем больше гор свернул – тем полнее твой инстинкт жизни себя реализовал. А этот инстинкт – база твоего всего.

Восьмое. *Человек – это двухуровневая система.* Он существует одновременно, диалектически, в двух уровнях: уровень ощущений и уровень действий. С точки зрения человека как субъекта его жизнь – сумма ощущений. И инстинкт жизни велит наощущать за жизнь как можно больше всего, хорошего и плохого, всякого, – это и есть жить. А с точки зрения человека как объекта, стороннего предмета, части вселенной, жизнь его – это сумма действий. Чем больше всего за жизнь переделал – тем больше прожил, тем полнее твой инстинкт жизни себя реализовал. Человек стремится не только к максимальным ощущениям – он стремится к максимальным действиям.

Девятое. Но мы говорили, что максимальные ощущения возможны без максимальных действий. Так на фига нам действия? Мы горы сворачиваем не потому, что Бог дневную норму задал, а потому, что хотим своих личных целей достичь, своим собственным желаниям следуем. И других кнутом и автоматом заставить пытаемся наши желания выполнять. Мы же утверждаем, что мы разумные – так на фига мы пуп рвем и себя и планету гробим?

Десятое. Это заблуждение, что от природы нам дан разум. А куда девается разум у младенцев, которые были похищены волками и вообще животными, у этих Маугли? Таких случаев описаны сотни. Возвращают десятилетнего ребенка в людское общество – а он уже навсегда животное. Не разумнее шимпанзе. Скелет нам – дан. Мышцы – даны. Обмен ве-

ществ – дан. А разум – тут тоньше. *Нам дан не разум, а только способность к разуму.* Она может быть реализована, а может и нет.

Одиннадцатое. Маугли и Тарзан могут то, чего нормальный человек, и даже чемпион мира по акробатике, туризму и бегу на четвереньках не может. Они спят в холоде, переваривают сырое мясо и развивают нечеловеческие усилия при беге или лазанье по деревьям. Словно их психическая энергия пошла не в ум, а в выведение физических возможностей за человеческие пределы.

Двенадцатое. Почему человек, без клыков, когтей и шерсти, стал царем природы? Умный? А много ли ума надо в Полинезии бананы рвать? Или в степи коренья выкапывать? Рассмотрим чисто физический аспект. Человек переносит такие перепады температуры, давления, влажности, периоды голода и жажды, которые в комплексе ни одно животное не перенесет. Сдохнет. Спросите биологов и работников зоопарков. У человека чисто физическая способность к адаптации выше, чем у любого животного. А это значит, милые мои, что инстинкт жизни в человеке присутствует в большей степени, чем в любом животном. Жизни в нем больше, понимаете? А что такое жизнь?

Тринадцатое. А жизнь, в первую очередь, это – изменение. Изменение системы: я – окружающий мир. А можно сказать иначе: жизнь – это энергия. Что такое энергия? Это способность к производству какой-либо работы, действий, изме-

нений. Человек более энергичен, чем любое животное. Зачем Робинзон бесконечно усовершенствует свое хозяйство, если и так уже выжил, и неплохо? Зачем человек изобретает все новую дрянь, если и со старой жить можно? А – энергичен! Мир переделывает.

Четырнадцатое. Инструменталисты рассматривают разум как продолжение руки. Плуг изобрести, порох, автомобиль – и увеличить свои физические возможности. Но не отвечают на вопрос, на хрена человеку это нужно и почему ему это хочется. Не так все просто. Разум – это трансмиссия, проводник, двухсторонний декодер между чувствами и действиями. Благодаря разуму человек чувствует всего всякого много больше животного, причем по поводам, которые сам изобрел. Электромагнитные волны проходят в воздухе, изменяются в ящике, складываются в звуки и изображение – и человек балдеет от того, что футбольная команда на другом континенте вкатила кожаный шар меж двух жердей. Орет, прыгает! Посредством разума мы массу действий, не имеющих ни малейшего практического, выживательного, значения, переводим в сильные положительные и отрицательные ощущения. А ощущения – в действия, в свою очередь: хочу быть крутым, изобретаю атомную бомбу и убиваю миллион человек.

Пятнадцатое. Человек не стремится к тому, чтобы достичь какого-то идеального положения или построить идеальный мир. Это ему только кажется. Он стремится к то-

му, чтобы этот мир изменять. Уровень достижения – всегда промежуточный. Идеал как горизонт. *Его интересует уровень изменения.* Постоянно. Тут человек не волен. Запас жизни ему диктует. Повышенная энергетика заставляет действовать. Человек и в античном мире неплохо жил. Пища есть, кров есть, размножаться можно? – ну так чего тебе еще надо. Все так называемые человеческие ценности – ценности излишние с точки зрения просто проживания и выживания. «Не хлебом единым» означает: мне мало просто жить. А чего мало-то? А вот хочу еще чего-нибудь. А что значит «хочу»? Значит – неудовлетворенность ощущаю, желание. Ощущаю! Думаю. Действую. Зачем, почему действую? О, масса причин придумана. Но в основе – ощущение и немотивированное, с точки зрения простого проживания, желание. Таков путь к действию.

Шестнадцатое. *История человечества – это история все более значительных, капитальных действий.* Разум стал силой геологического порядка, справедливо заметил Вернадский, хотя о том же еще Бэкон говорил. А переделыватель-человек не унимается. Не может. Устроен так. Ибо *жизнь – это: ощущение, осмысление, действие.*

Семнадцатое. Если представить себе, что действия человека становятся все более громадными, причем перспектива – без ограничений, времени у Вселенной впереди полно, – то какое действие можно вообразить себе как самое громадное, предельное, максимальное? Что есть такого, больше че-

го уже быть не может? Правильно, товарищи. Это переделать всю Вселенную. В идеале – создать Вселенную! Равнобожий поступок. Или – уничтожить Вселенную! По абсолютной величине это одно и то же.

Восемнадцатое. Я завершаю. Объективная конечная цель человечества – уничтожение нашей Вселенной и одновременно и тем самым создание Новой Вселенной. Вот так с точки зрения Вселенной получается.

Резюме. История Вселенной – это эволюция энергии во все более структурированную материю. Этот процесс как бы материального консервирования энергии сопутствует ее растущей энтропии. Однако не уравнивая ее – казалось бы, с механистической точки зрения.

Человек уже научился выделять термоядерную энергию, «законсервированную» в материи. И еще многому научится.

Во Вселенной кроме энергии ничего нет, строго говоря. Все формы материи – вид энергии. Энергетический уровень рассмотрения всего – это базовый, основной, фундаментальный уровень.

Человек – это часть совокупного человечества, которое – часть совокупной энергии Вселенной. И в качестве такового имеет свою вселенскую функцию, ибо ничего нефункционального в мире нет и быть не может. Если что-то кажется нам «бесполезным» – это только потому, что у нас может быть ограниченное представление о «пользе» и отсутствует видение явления как аспекта общих законов Вселенной.

Живое вещество энергетически выше неживого: в процессе своего существования оно в единицу времени своей массой вносит больше изменений в систему «я – мир», чем любое неживое той же массы в то же время. А человек энергетически выше, качественно выше любого другого живого вещества.

Вы скажете: а звезды, где материя переходит в энергию с такой интенсивностью? Не надо упрощать. Семидесятикилограммовый человек уже сейчас способен превратить в излучение тонны материи при термоядерной реакции. Кстати о разуме как силе.

Не исключено, что к моменту тепловой смерти Вселенной какое-либо будущее человечество сумеет выделить всю энергию из всей, ставшей косной, материи, и часы начнут тикать по новой.

Что же касается собственно человека, то вкратце так:

Человек стремится к максимальным ощущениям, реализуя заложенный от природы инстинкт жизни. Разум есть оформление избытка энергии человека в ее психическом аспекте. Благодаря этому избытку – действия человека носят опосредованный характер: примитивное осуществление желаний носит все более технически сложный характер со все возрастающим материальным результатом.

Остается лишь добавить, что предела своих возможностей человек, естественно, не знает. А потому сравнивает собственные достижения с достижениями других. Отсюда по-

требительское соревнование, ничем в принципе не отличающееся от соревнования в спорте, науке, удали молодецкой и так далее. Мечтая о счастье, человек втягивается в бесконечную гонку карьеры и приобретения: так он мерит для себя степень своей реализации.

Инстинкт жизни. Постигание всего через ощущения. Жизнь как сумма ощущений. Стремление к максимальным ощущениям (для каждого они свои). Мышление как возможность получить ощущения от действий сверх жизненно необходимых. Одновременно мышление как орудие к удовлетворению ощущений – к совершению действий. Тем самым стремление к максимальным действиям – вплоть до уничтожения и воссоздания Вселенной.

При этом – человек как двухуровневая система. Он объективно, физически, реализует себя на уровне действий. А субъективно реализует себя на уровне ощущений – их поиска, добывания, создания, переживания. Один уровень не может быть понят без полного и всестороннего рассмотрения другого.

Однако, время. Спасибо за внимание.

Кирилл перевел дух, слизнул под маской пот с верхней губы (тонкая ткань, которой она была оклеена изнутри, стала мокрой и пахла ацетоном от нитропропитки папье-маше) и посмотрел на часы. Черт, три четверти вырежут! А, хоть этим, что здесь, сказал.

– То есть, вы изложили нам некоторые взгляды позити-

вистского толка, – непринужденно сказал Познер. – И должен вам заметить, что ничего принципиально нового я, мне кажется, не услышал.

– Не услышали, – безнадежно сказал Кирилл. Ему хотелось хватить стулом об пол, чтоб рассыпался, и одновременно хотелось плакать. – Хотя слушали.

– Никто не говорил, что все действия человека и человечества есть стремление к максимальным действиям через максимальные оптимальные ощущения, – сказал он, и продолжал быстро и раздраженно:

– Никто не говорил, что физически человек имеет самый большой из живых существ ресурс выживаемости.

Никто не говорил, что человек обладает от природы не разумом, но лишь способностью к разуму.

Никто не говорил, что разум есть оформление избытка психической энергии человека. Которая есть аспект его общей повышенной, по сравнению с прочими животными, энергетики.

Никто не говорил, что именно повышенная энергетика есть коренное отличие человека от прочих живых.

Никто не говорил, что человек выделился из прочих живых, когда овладел огнем. Присоединил к своей энергии энергию вещества планеты. А до того: и волки отлично организованы для охоты, и обезьяны пользуются орудиями, и дельфины имеют праязык из сотен сигналов.

Никто не говорил, что история человечества – это исто-

рия энергопреобразования вещества Земли, история совершения все больших преобразующих действий на планете.

Никто не говорил, что разум есть двухсторонний декодер между ощущениями и действиями, и посредством разума можно получать массу ощущений, невозможных непосредственно органами чувств.

Никто не говорил, что стремление к свободе есть проявление второго закона термодинамики: стремление к такому положению, при котором можно выделять максимум энергии – что хочешь, все то и можешь. Стремление к конечному абсолютному покою через выделение всей обладаемой тобою энергии. Никто не видел в святом и воспетом стремлении к свободе соответствие общим законам физики мира.

И никто не сказал – о да, конечно, сделаем оговорку: с материалистической точки зрения – хрен ли делает человек во Вселенной, на фиг нужен? Был или идеализм, или антропоцентризм. Даже странно, правда?

И никто не увязывал экзистенс с материалистической Вселенной. Не проводил линии от мечты о счастье до Большого Взрыва. И не рассматривал все сущее на той единой базе, что я.

И никто не говорил, что человечество не может погибнуть, пока не выполнит это свое предназначение!

А вы, безграмотные тупицы, слегка знакомые с институтским учебником философии и эрзацем для умственно бедных с фабрики Кастанеды, морочите мне яй... мозги и пы-

таетесь снисходительно похлопывать по плечу. А мудрыми называете тех, чьи умственные способности сродни вашим.

Я пришел сюда, чтобы открыть вам истину, а не для того, чтобы дискутировать с вами. И подавитесь этой маской, которую вы норовите натянуть на меня в дурацкой передаче о вашей дурацкой жизни!

Потом говорили психолог, социолог и двое из зрителей.

– Вы не хотите снять маску?

– Не могу! Вы слушаете лишь тех, кто в масках. Прочих вы считаете равными себе.

Уйти он сумел хотя со скандалом, но без милиции. Было понятно, что выход передачи в эфир, даже в сильно урезанном виде, крайне проблематичен. А что делать?... Сказать-то надо было.

«Достаточно, если поймут немногие, – бормотал он под нос, бредя ночной улицей под дождем – дождь был весенний, теплый. – Достаточно, если один. Достаточно, если ни одного...»

11

Последний вечер философского кружка прошел печально. Из пустого класса спустились в дворницкую. Ненадолго Кирилл оставил гостей, пошуровал огонь в кочегарке и набросал поверх побольше угля. Прикрыл поддувало. До утра будет рдеть, тлеть, греть, гореть. Тепло уже. Весна.

Тахты, скамьи, двух стульев и табуретки почти хватило. Двое уселись на полу, с видом удобства скрестив ноги.

– Через сорок минут затекут, – предупредил Кирилл, – проверено. Но нам, наверное, хватит.

Достал из шкафчика три бутылки дешевого вина и развел красную струю по одноразовым стаканчикам из мутного пластика. Поить школьников водкой представлялось непедagogичным. На закуску оказалась чья-то булочка.

– Что вы так резко уходите, Кирилл Андреевич? – были вздохи. – Скучно без вас будет.

– А что ж ему, так дворником и упираться? Конечно вам надо в институте преподавать.

Кирилл поднял стаканчик и через силу подмигнул:

– Ну – за все хорошее, господа ученики! А на будущее – не думайте, что если вы умные, так вас будут понимать. Или вообще слушать. Давно и не нами сказано: истину вообще нельзя сказать так, чтоб ее поняли...

– А что же делать?

– Ну, есть продолжение этой фразы: «... ее можно только сказать так, чтобы в нее поверили».

Было молчание, подходящее моменту, и дюжина пар глаз, и колеблющийся огонек свечи, зажженной для интима, и сигаретный дым, и смутные мысли о разном. Хорошо; грустно; подходяще. Потом один спросил:

– А как это сделать? Чтобы поверили.

– Ну... Пока не распнут – не поверят.

– Не очень веселая перспективка.

– Ну... дело такое.

12

Пластит был давно куплен в Крыму. Не нужен стальной капкан вместо ума, чтобы сообразить: пластиковая взрывчатка удобнее прочих для подводных диверсий, а учебные базы боевых пловцов не могут не быть на Черном море. И поскольку Украина беднее России, украинские вояки за те же деньги более сговорчивы и продажны. Найти по каталогу в библиотеке пару книг о героях морских глубин проще простого. Почерпнутая информация позволяла, не вдаваясь в военные тайны, выдавать себя нечаянными деталями за «боевого тюленя», списанного по здоровью. Бутылка горилки безотказна в качестве универсального средства для завязывания дружбы; самостийной мовы с кореша не требовали, моряк моряку все-таки моряк. Стрижка, кожа, адидас и золотая цепь превращают вас в братка, а принадлежность к братве объясняет интерес самым простым и естественным образом. Чего ж логичнее: братку взрывчатка нужна, дело житейское. Платит гринами, и никого ничего не касается. Лукавый и откормленный сундук-мичман с посеídoновскими трезубцами на петлицах решил все проблемы Кирилла за штуку. Сумасшедшие это бабки для простого украинского моряка, столько флот платил бы офицеру за год, если бы

платил. Не удаляясь от Севастополя, Кирилл и нарыл таким образом четырехкилограммовую упаковку пластита, моток детонирующего шнура, пару метров бикфордова и коробочку с шестью детонаторами. Делов-то. Люди ранцевые ракеты грузовиками покупают.

Черную «Поваренную книгу анархиста» он приобрел с лотка на трех вокзалах.

... Теперь и настал черед этого припаса.

Однако любая диверсионная акция требует, кроме средств исполнения, операцию прикрытия. В пестрой толчее Старого Арбата он отыскал среди сувениров десятков флаж-вымпелов со славянской вязью по алому «Москва – любовь моя!», а на грязных задах Киевского рынка разжился у алкашей стираной спецовкой, кусачками и брезентовой сумкой для инструментов. Коричневые корочки с серебряной надписью «Муниципальная служба» продавались со столика всевозможных удостоверений возле «Арбатской». Напечатать вкладыш было не сложно прямо на школьном компьютере.

В канцтоварах он выбрал гербастые (почему-то, но кста-ти) бланки нарядов на проведение работ. Ну, а уж печать в любой мастерской вам без бюрократической волокиты сделают любую, если это только не министерство или Центробанк.

Еще нужна была раздвижная стремянка. И – часов в восемь утра следовало поймать фургончик, «москвич»-кабл-

чок лучше всего: на таких и ездят сантехники, дежурные электрики и прочие телефонисты и мелкие аварийщики.

В итоге к хилому шлагбауму, перегораживающему узкий проезд Болотной набережной позади кондитерской фабрики «Красный Октябрь» подкатил в меру раздолбанный служебный автомобильчик. Работяга предъявил зевающему вахтеру не вызывающие подозрений бумажки, матерно поворчал насчет формальностей и отправился выписывать пропуск. Май близится, вот и флаги.

Кирилл вскинул на одно плечо стремянку, на другое сумку с инструментами и, рея на речном ветру любовью к Москве, как балет «Красный мак», двинулся к Истукану. В вышине бронзовый Гулливер запутался между парусов, вантов и штурвалов, как Авессалом в ветвях. Из этого положения он устоял в сторону Лужников и Университета, как бы грозя проконтролировать развлечение и обучение одновременно.

Кирилл раздвинул стремянку у подножия монумента и поднялся. Пластит был заблаговременно раскатан в колбаски, облепившие через равные промежутки детонирующий шнур. Колбаски были вкруговую прихвачены суровой нитью к изнанке верхнего края вымпелов. Кирилл горизонтально прилепил к бронзе колбаску, прикрытую вымпелом, на высоте метров двух с половиной. Для надежности прихватил шнур скочем – бронзу пришлось протирать от пыльного налета, чтоб толком приклеилось. Он учел даже это – полил

тряпку бензином для зажигалок. А пластик лип к чему угодно, колбаски пришлось бережно разъединять.

Держа и разматывая аккуратно свернутую в кольцо гирлянду, спустился и одной рукой передвинул лесенку вбок. Поднялся и повторил процедуру.

Через пять минут гигантский витиеватый столб монумента был украшен понизу кольцом алых с золотом стягов. На его фоне они смотрелись мелко и весело, как новогодние флажки на елке. Ветер мял и разбирал буквы насчет любви к Москве.

Детонирующий шнур горит со скоростью две с половиной тысячи метров в секунду. Горение с такой скоростью называется взрывом. Он обеспечивает одновременный подрыв соединенных зарядов. Скрытые вымпелами заряды прочеркивали металл ровным пунктиром.

Мощность четырех килограммов пластика соответствует мощности восьмидюймового снаряда морского орудия, проламывающего броневую палубу линкора.

Закончив работу, Кирилл закурил, глубоко затянулся и прижал огонек сигареты к обреза бикфордова шнура. Шнур тихо и ровно зашипел, и бело-красное колечко уползло в глубь металлической оплетки от душевого шланга. Это маскировочное приспособление было также окрашено в революционный майский цвет и закреплено в круговую под флажками. Два метра сорок сантиметров, пара шлангов соединены пропущенным внутри шнуром. И не видно.

Бикфордов шнур горит в любых условиях с неизменной скоростью один сантиметр в секунду. Погасить его невозможно. Ему все равно, в воде гореть или в песке. В воздухе для горения он не нуждается, окислитель содержится в самом материале. До детонатора, вмятого в пластик, ему полагось догореть ровно за четыре минуты.

Пятачок был пустынным, закрытым. Здесь никто не ходил. Что и требовалось. Кирилл спрыгнул вниз и, оставив барахло, не слишком быстро зашагал к машине за шлагбаумом.

- А инструменты? – спросил водитель.
- Все равно вернуться придется, – сказал Кирилл.
- Так сопрут же, – хмыкнул водитель и дал задний.
- Вряд ли, – сказал Кирилл.

Он вышел на мосту, перед светофором на Большую Полянку, расплатившись и ничего не объясняя. Приблизился к перилам, вздернул рукав над часами и зачем-то плюнул в мутную воду. Секундной стрелке оставалось еще пол-оборота. Монумент был почти закрыт уродливым темно-бурым коробом «Красного Октября».

Металлический ветвистый кактус, порождение горячего сна гиганта, слегка подпрыгнул и косовато завис в воздухе. Основанием ему один миг служила вспышка, тут же из белой ставшая воспаленно-розовой, красной, вскурчавилась пушистым дымком и растаяла. Мост под ногами мягко и тяжело дрогнул. Воздух хлопнул по лицу, как занавес. В уши

не то толкнуло, не то кольнуло, и под черепом возник тихий комариный звон.

Монумент плыл, кренился, рухнул, исчез. Порскнули гранитные крошки ограждения. Два крупных бронзовых обрывка плыли в небе и кувыркались, как подбитые птицы из страшной сказки про Синдбада.

Раздался негромкий грохот и плеск падения.

Острые языки металла развернулись из основания, как клумба абстракциониста.

– Так даже лучше, – с задумчивым удовлетворением сказал Кирилл, слыша свой голос внутри головы, уши оказались заложены.

– Христофор Колумб, – сказал он, – Петру родственником не был и нас не открывал. Что ж это, в самом деле, за уподобление русских туземцам, открытым европейцами. А если ты дикарь, так за себя и отвечай.

Вдали пересыпался звон сползающих по стенам и подоконникам стекол.

– Сладкое вредно, – утешил Кирилл фабрику.

Напоследок зазвенело совсем тихо и мелодично. Выхлестнуло витраж в Храме Христа Спасителя.

Тогда загудели машины и раздались голоса.

13

– Итак, дубина, ты хотел взорвать храм. – Лужков захлоп-

нул пухлое кирилловское «Дело» и сдернул очки. Глубокая вечерняя тишина ощущалась во всем здании мэрии, камнем обьяв огромный, в пять окон, кабинет.

– Ну еще бы... – пробормотал Кирилл, переминаясь на ковре, и попытался приличнее пристроить скованные спереди наручниками руки: от гениталий поднял их к груди, но поза образовалась молитвенная, пришлось опустить обратно. – Покушение на устои веры и государства... Да для чего мне это надо? Я никому не враг, господин мэр.

– Но повреждения нанесены! – Лужков пристукнул ладонью. Кирилл подумал, что лицо лысого толстячка похоже на колобок, не слишком старательно скрывающий в себе взведенный стальной капкан.

– Я понимаю, – он вложил в голос сердечное сочувствие: – Храм – ваше детище, вот вам и обидно. Так я наоборот. В смысле, – добавил он поспешно, – зачем же такой храм оскорблять таким безобразием.

– А храм, значит, нравится? – переспросил мэр (не то насмешливо, не то примирительно, не то капкан изготовился щелкнуть).

– Честно говоря, нет.

– Что так?

– Довольно безвкусная коробка. Непропорциональная. Громоздкая. Но стоять, считаю, должен. Все же святилище. Символ.

– Ты, значит, считаешь себя вправе самолично распоря-

жаться, какое искусство нужно москвичам? А какое – взрывать!!

– Я не самолично...

– А как? Группа? Бандформирование? Или референдум провел, а я и не знал?

– Юрий Михайлович, вам известно, что в народе говорят?

– Мне известно, что в народе говорят, – уверил Лужков, и тень от лампы накрыла половину лица, как козырек. – Я и сам не аристократ.

– Известно, кепка...

– Что ты там бубнишь?

– Что Церетели – ваш друг, и использовал личные связи, чтоб воткнуть своего истукана. Что умеет делать большие бабки, и на этом тоже заработал неслабо. Что западло ставить в столице России памятник, от которого америкашки в Атланте отказались. Да что мы – помойка для их отходов с бит-маками и кока-колой, что ли.

– Ага. Патриот, значит, нашелся.

– Если не я – то кто, если не сейчас – то когда, если не здесь – то где?

– Только без демагогии. А что ты в Останкине нес про конец света? Все у тебя увязано! – Он швырнул по столу касету – стало быть, с передачей, так пока и не вышедшей.

– Журналисты вас не любят, Юрий Михайлович, – брякнул вдруг Кирилл.

– И не должны. Деньги они любят, славу и себя. А должны

рыть правду... нужную! И говорить.

– Боятся они вас. И власти вашей. Что против вашей воли много не пикнешь.

– Плакуют, плакуют... И что бы им еще хотелось пикать?

– Что имеете вы со всего в городе. Даже и с книг, и с проституток, и с мафии.

– Что ж не пишут? Пусть подадут в суд, он разберется. Сорок судов я уже выиграл.

– Говорят, что в Москве крутится три четверти всех российских денег, вот вы ее и можете украшать, а по стране жрать нечего, – упрямо сказал Кирилл, водя взглядом по строю телефонов сбоку обширного стола.

– Поэтому то, что я строю, надо взрывать?

– Да не должно быть так, чтобы народ за свои же деньги получал всякую дрянь против своего желания! Все обирают, все сладко поют, хоть заики... и все плюют в рожу.

– Хороший бы из тебя шут вышел, – помолчав, улыбнулся Лужков. – Плевать правду в рожу. Как раньше при дворах, знаешь? И справочку из психушки – индульгенцию: сей дурак за свои слова не отвечает.

– Может, я и шут, но за все отвечаю, – мрачно сказал Кирилл.

– Похвально, – Лужков черкнул в настольном календаре. – Значит, так. Ты хороший парень, правдолюбец, правдоискатель, и так далее. Но ты согласен, что я, как мэр этого города, не могу допустить, чтоб здесь среди бела дня гремели

взрывы, сносились памятники, стекла из храмов вылетали?
Согласен?

– Согласен. Каждому свое.

– О. Насчет своего. Что тебе светит – ты знаешь. Когда приговорят – дергаться будет поздно. Я тебе предлагаю следующее. Тебе организуют пресс-конференцию – прямо послезавтра. Ты заявишь о своем полном раскаянии. Расскажешь, как мы с тобой поговорили, ты все понял, осознал... что встреча со мной заставила тебя многое переоценить, взглянуть глубже, и теперь ты так ни за что бы не поступил. Ну, там, пара благодарных слов – ай, для проформы, – перечислишь, что я сделал для города: список тебе дадут, прочтешь, выучишь... За это я обещаю тебе помилование.

– Помилование? Мне? За что?

– Ну... Дело отправят на исследование, там проведут повторную психиатрическую экспертизу, признают невменяемым... ерунда: пару месяцев посидишь почти на санаторном режиме, вредных процедур к тебе применять не будут, позаботимся. Присмотр, кормежка, а там выйдешь тихо, все позабудется. И ступай себе с Богом.

Кирилл мучительно вздохнул.

– То есть: я выступаю вашим сторонником, своим поведением привлекаю к вам симпатии – открываю ваше милосердие, доброту, радение о благе города...

– А что, не так? Или по-твоему милосердие ходит в слюнявчике? С этим стадом расслабиться не могли. Да они сами

друг друга порежут и пожрут! Толпа – как дети, блага не понимает и добра не помнит. У любви к народу, паренек, рука должна быть железная. Короче, выбор у тебя небольшой. Ответ сейчас.

– Да. Душа или жизнь. Так это не выбор.

– Не понял, о чем ты мямлишь. Так договорились?

– Нет, Юрий Михайлович. Я скажу на суде все, как есть.

– Что – «все»? Как – «есть»? Кому ты «скажешь», дурень?

Кто-то услышит что-то новое? Глаза раскроет? уши прочистит? И что – что-то изменится? Декабрист разбудит Герцена? И что в итоге – ты историю учил?

– Я скажу, что единственный путь быть человеком – это каждому здесь и сейчас делать все по совести и уму.

– Уму. Муму! Знаешь, как это называется? Вялотекущая шизофрения. Тебя действительно в психушку надо, – Лужков плюнул и подытожил устало: – Несешь детский лепет, а сам с бомбами бегаешь. Ну и подите вы все к черту. Я умываю руки.

Он действительно отворил в дубовой панели позади стола неприметную дверцу в помещение для отдыха, оттуда – в ванную, взял душистый французский «пальмолив» и открыл горячую воду.

фальт дымился, и пелена подернула контуры дальних высот.

В прокуренном «рафике» пришлось нудно ждать завершения приготовлений. Кирилл владел собой и выглядел вполне спокойным. Конвоиры, зажавшие его с боков на заднем сиденье, чутко фиксировали любое движение. От колючих волглых шинелей удушливо припахивало псиной.

Крест подвезли на грузовичке с открытой площадкой, на ней торчала колонка портативного подъемного крана. Грузовик остановился возле узкой, колодцем, ямы, намотав на переднее колесо жирную рыжую глину, оплывающую кучей у края.

Двое работяг в брезентовых куртках и касках спрыгнули из кабины. Один застропил крест и махнул. Другой нажал на кнопки маленького черного пульта, соединенного кабелем с краном. Крест косо всплыл в воздух.

Он был бетонный, шероховатый, толщиной с четырехгранную железнодорожную шпалу. Поперечина под верхним концом была в размах рук. Длинный нижний конец стропальщик придержал и направил так, чтобы он полого уперся в край ямы. Перекрестие опустилось аккуратно на ребро платформы. Оба закурили, укрывая сигареты в горсть от дождя, и стали смотреть на «рафик».

Кирилл вздохнул и пошептал.

– Ну, пойдете, – просто сказал распорядитель. Он откатил дверцу, выкарабкался, поднял воротник плаща и стал

раскрывать зонтик. Зонтик задало, судя по грубой пластмассовой ручке товар был китайский, дешевый и недолговечный, и распорядитель повозился, закрепляя соскальзывающий упор спиц.

Конвоиры с ненужной силой подхватили Кирилла под мышки и повлекли. Тот, что был повыше и понеуклюжей, наступил сапогом ему на ногу и негромко извинился.

Свежесть и влага оказались приятны. Тонкая водяная взвесь щекотала лицо. Непроизвольные приступы крупной дрожи раздражали, и Кирилл сосредоточился на их подавлении.

– Раздевать? – буднично спросил коренастый конвоир с сержантскими лычками. Сбрызнутое дождем, его лицо запахло гадким цветочным одеколоном. Напарник опять наступил Кириллу на ногу.

Распорядитель поколебался. Одетый живет на кресте дольше, иногда умирает лишь на пятый-шестой день от обезвоживания; муки его растягиваются. Нагой гораздо быстрее теряет сознание от переохладения, и сердце его останавливается; зимой он мучится каких-то несколько часов и засыпает в милосердном забытьи. Правда, летом нагого больше истязают комары, но в апреле их еще нет.

– Раздевайте, – сказал он голосом сурового добряка.

– Ну че, сам разденешься, мужик, или помочь?

Кирилл расстегнул плащ, стянул, встряхнул и стал аккуратно складывать, стараясь, чтоб эта невинная и законная

оттяжка времени не была чрезмерной и не выглядела трусостью. Положил плащ на край платформы и подумал, начать со свитера или с ботинок. На ботинках можно долго распускать шнурки, зато асфальт мокрый.

Однако касание мокрой пористой поверхности к босым ступням оказалось неожиданно приятным, и даже очень приятным. Радость от ощущения жизни, подумал Кирилл.

Из-за ненастья зрителей было немного. Московские пробки и расстояния вообще не способствуют многолюдности подобных зрелищ. Да и пятница – день рабочий. Кто попрется получать сомнительное удовольствие от того, как человека привяжут к перекладине и так оставят. Расстрел или в особенности декапитация вызывали гораздо больше интереса и собирали обширные аудитории, но случались они не так часто.

Переносные трубчатые барьеры ограждали пространство. У прохода скучал наряд ментов в сизых плащ-накидках с нахлобученными капюшонами. ОМОНовский фургон держался поодаль, оттуда, за явной вялостью церемонии, даже не показывались.

Пяток молодежи с пивными банками из ближайшего павильончика, пара пенсионерок, бомж с сумкой, вислый транспарант «Свободу патриотам нашего города!». Кирилл и не надеялся увидеть здесь кого-нибудь из своих учеников, и даже не хотел этого, но мог бы вообще-то хоть один и прийти.

– Вот сюда подойдите.

Его уложили спиной на бетонную балку, наклонно опирающуюся на край платформы грузовичка. Плечи довольно удобно поместились на перекрестии. Руки с силой, грубо развели, растянули и примотали запястья к перекладине нейлоновым бельевым шнуром – плотно, но без рези (чтоб не нарушать кровообращение, подумал Кирилл). Ступни пристроили на предназначенный для них бетонный выступ («Черт, длинноват. Не выпрямится. – Все равно обвиснет»), охватили щиколотки в десяток крепких витков.

Врач достал из квадратного дерматинового саквояжа склянку с кристалловской водкой. Там плескалось примерно на стакан.

– На, выпей.

Он внимательно проследил, как Кирилл двигает кадыком, пошуршал в саквояже и сунул ему в рот ломтик соленого огурца: «Зажуй».

Пока все в порядке, хмыкнул Кирилл. Позыв к дрожи исчез: алкоголь не принес тепла или опьянения, просто стало немного удобнее и спокойней. Только какой-то острый выступ давил в левую почку... но в вертикальном положении это должно исчезнуть. Правда, тогда начнутся другие неудобства. Даже интересно: в этом нет ничего страшного. Абсолютно не верилось, что скоро он начнет испытывать мучения, предшествующие концу – ни от чего, просто вот от такого своего положения. Нет, все-таки российский закон бы-

вает гуманен.

Распорядитель прикурил и воткнул ему в губы сигарету. Совсем не плохая марка – «Золотая Ява». А какая реклама для ТВ пропадает! «Твое последнее желание!» Вообще-то двусмысленно.

Мысль о телевидении оказалась... правильной, потому что распорядитель посмотрел на часы и пробурчал:

– Н-ну?... где они там застряли... Вечная морока.

Кирилл дожег сигарету до фильтра, когда к проходу в барьерах подкатила черная «Волга» и фукнула перед тем, как заглушить мотор. Из нее выскочил парень в джинсах и на-товской куртке, расставил поданный изнутри треножник и стал держать над ним зонт. Тогда вылез второй, с телекамерой, и закрепил ее на штативе. Третий, в костюме с галстуком, переступил перед объективом на фоне креста и поднес ко рту поданный ассистентом микрофон.

– Сегодня в полдень на Поклонной горе состоялась церемония прощания с преступником... Стоп, – сказал он в камеру, откашлялся и молодым поставленным голосом зачастил сначала: – Сегодня в полдень на Поклонной горе состоялась церемония распятия преступника, который пытался взорвать храм. На встрече присутствовали... стоп! Черт, что это я сегодня. И-и (пауза) – на процедуре присутствовали представители районной администрации, исполнительная группа и, естественно, медицинский контроль. Последнее напутствие осужденному дал представитель московской

епархии. Мы попросили осужденного ответить на несколько вопросов нашего канала.

Он замолк и отшагнул в сторону. Оператор снял Кирилла, лежащего на неустановленном кресте. Сюжет был, видимо, рассчитан от силы на минуту, и следовало выхватить основные кадры.

– Ну давайте, давайте, не спать! – одернул распорядитель крановщика со стропалем. Кирилл взмыл в воздух и стал плавно перемещаться к вертикали. Ноги постепенно напряглись, упираясь в выступ.

– Майнай помалу, – скомандовал стропальщик, показывая короткими движениями руки в брезентовой рукавице.

Крест пополз вниз, встал на дно ямы, раз-другой качнулся на тросах и утвердился ровно. Стropальщик махнул и ногой сдвинул в яму камни, лежавшие на краю. Взялся за лопату, воткнутую в кучу глины. Глина натужно чвакнула, отрываясь.

Когда у основания креста вырос желтый холмик, стропальщик потолкал крест, остался удовлетворен надежностью работы и начал снимать трос.

Приблизился священник в облачении, крупный решительный мужчина с подстриженной бородой. Служка маневрировал над ним большим английским зонтом. Священник раскрыл требник на закладке и без особого выражения загудел молитву.

Оператор снял. Священник закончил. Телекомментатор

протер платком свои очки в круглой золоченой оправе и вышел из-под зонта ассистента. Следить за ними сверху было даже интересно.

– Раскаиваетесь ли вы в своем поступке? – спросил телевизионщик, вздел микрофон на штангу и поднял к Кириллу.

– Отнюдь, – ответил Кирилл, и остался доволен твердой иронией ответа. Он похвалил себя за то, что заранее купил приличные зеленые плавки, в меру широкие и плотные. Хорош бы он был сейчас в трусах, облипших интимные места. – Стоило весь огород городить из-за того, чтобы потом передумать.

– А что вам особенно не нравится в... том, что сейчас здесь происходит?

– Экскурсия школьников, – сказал Кирилл сердито и показал подбородком за барьер – там подтянулся класс так примерно четвертый, во главе с учительницей. Девочки благонаравно внимали ее объяснениям, разглядывая его фигуру. В задних рядах мальчишки играли в «жучка». – Совершенно это лишнее, я считаю. Не средневековое, все-таки.

– Теперь вы уже можете открыто говорить что угодно.

– А вы?

Телевизионщик пропустил шпильку мимо ушей.

– Является ли скульптор Церетели вашим личным врагом? Вы с ним встречались? Не хотели ли вы сами в прошлом стать скульптором, но это по каким-то причинам вам не удалось?

– Да бросьте вы, – Кирилл даже сделал пренебрежительный жест кистью привязанной руки. – То, что сделал я, очень многие хотели. Погода плохая, день рабочий, а то б здесь народу было знаете сколько? Просто – когда хотят многие, а решается один – один за всех и огребают. Персонификация коллективной ответственности, можно сказать.

– И последний вопрос: считаете ли вы, что вас действительно распяли за взрыв памятника, а храм – лишь предлог? Или истинные причины вашей казни иные?

Балабол балаболом, а тоже соображает, приятно удивился Кирилл. Все-таки ему повезло: такой вопрос – на кресте перед телекамерой!

– Истукан – ерунда, – сказал он. – Мелкий символ большого размера. Дело в том, что я говорил в последние дни. Ну, слово – это ведь дело, правильно? А особенно в том, что я сказал недавно в передаче «Человек в маске». Вы узнайте, когда она выйдет в эфир. Должна скоро выйти.

– И что же вы там сказали? – заинтересованно спросил телевизионщик, и Кирилл набрал воздуха, готовясь в последний раз объяснить всем, как создан мир.

– Пленка кончилась, – вдруг сказал оператор.

– Так смени кассету, только быстрее.

– Да вообще кончилась.

– Как кончилась?

– Да сколько мы сегодня сюжетов сняли? Сам же вечно кричишь «давай с запасом»!

Кирилл закрыл глаза.

Дождь превратился в ливень. Поклонная гора опустела. Он попытался расслабить замерзшие, немеющие от напряжения плечи, слизнул с губ воду и приготовился умирать.

15

Ночью вызвездило. Веревки впились и резали распухшую плоть.

Заледеневшее тело обвисло и все реже пробивалось судорожной дрожью.

Он выдыхал с хрипом и подстаныванием.

Шелест и тихое тяжелое фырчание двигателя вошли в слух и дали осознать себя. Он поднял веки. Возобновление уже нарушенного контакта с реальностью стоило дополнительных усилий и было нежеланно.

Элегантно-громоздкий джип въехал прямо на площадку и ослепил, врубив все фары.

– Браток, – услышал он весело-удивленный голос. – Да это никак ты? Чего это ты сюда взобрался? А ну-ка слазь!

Крепкие руки подхватили его, обрезанные веревки упали, Кирилла завернули в шерстяное пальто, втащили в машину и сунули в рот горлышко бутылки.

– Чистая пьета, – сказал в темноте второй голос.

– Да он не пьет.

– В чердаке у тебя свищет.

– Не понял?

Кирилл с усилием глотнул, холодным комком протолкнулся внутрь, под ложечкой возникла колючая горошина, сделалась горячей и большой, как теннисный мяч, он глотнул еще, раскаленные иголки забегали по телу, в ступнях и кистях завибрировали болезненные частые пульсы.

– Менты за тебя штуку баксов сняли, волки, – сказал первый и включил зажигание. Он рулил вниз и весело болтал:

– А мне братан звонит, его тут сейчас типа в армию прихватили, так представляешь, салага – прямо с тумбочки через батальонный коммутатор прозвонился мне на трубку: они «Время» смотрели, а там про тебя показывали, он говорит: может, пацаны сделают чего, а то вообще ничо мужик, я говорю: тебе-то чего, а он говорит: меня припахали как-то, а он выпить дал и сигарет, и вообще, денег пару рублей, чего пропадать-то человеку, он по делу мандулу грохнул, среди бела дня, в центре города, причем не пострадал никто, ну, я въехал тогда, про кого, пацанам говорю, поржали, наш человек, говорят, ты где подрывному делу-то учился, базар к тебе есть, погоди, приедем, ты давай, пей еще, грейся, мы подумали, а чего, бабки жалко, что ли, ну, и вот, я еще братану говорю: надоело мне уже твоему комбату куски кидать, прихватят тебя сейчас, что ты по салабонству с тумбочки звонишь, за жопу – и в туалет на разборку, а он еще про тебя: чудной фраер, с осликом, а человек в этом говенном городе, е-мое, думаю, стоп, видал я тут на кольцевой тоже одного

мудака без башни с осликом, ну, подъезжаем – ух ты, а это ты, дела, понял, кстати, ты куда ослика-то дел?

16

Ослик находился в квартире на девятом этаже. Он удовлетворенно жевал капустный кочан и поглядывал на семейство.

Еще вечером он исправно скучал в подвальном сарае, ожидая затянувшегося решения своей участи, когда загремел замок, зажглась тусклая лампочка, и вся семья – мама, папа и мальчик Филиппок – встала в дверях в выжидательных позах.

– Это он с ним был! – возвестил Филиппок, тыча пальцем.

– Завтра же от него надо избавиться, – беспрекословно приговорил папа.

– Жлобье народ, – сказал ослик.

Мама побелела. Папа оглянулся. Филиппок забил в ладоши.

– Никто не умеет думать, но каждый имеет готовое мнение, – сказал ослик.

Мама осела папе на руки.

– Ох да ни х-х-хрена себе... – сказал папа тупо.

– Трудно вас, сволочей, любить, – сказал ослик.

Мальчик Филиппок почуял в этом обвинении страшное, брызнул слезой и бросился ослику на шею.

Теперь совет решал уже восемь часов: продать ослика в цирк, обратиться к журналистам, сорвать деньги (как?...) за телепередачу, связываться ли с учеными, арендовать помещение, дать рекламу и открыть платный аттракцион, или лучше всего подождать немного, посмотреть, что будет дальше, но, черт, как с ним теперь обращаться?...

Ослик аккуратно подобрал с кухонного линолеума лохмотья капусты, выбросил продукт своей жизнедеятельности, деликатно махнул над ним хвостиком и стал вещать:

– История Вселенной – это преобразование энергии в материю, время и пространство.

История жизни на Земле – это история все более сложного структурирования материи, способной, в свою очередь, выделять энергию из окружающей среды.

Энергия консервируется в материю, чтобы затем снова выделиться. Таков космический маятник.

Вселенная – закрытая система. Пространство ограничено количеством энергии. Иначе – кривизной светового луча. Энтропия имеет место в замкнутом пространстве. Маятник преодолевает следствия энтропии.

История человечества – это история прогрессирующих преобразований окружающей среды. История прогрессирующего выделения энергии из окружающей материи.

Человек энергетически неуравновешен с окружающей средой. Он от природы обладает большей энергией, чем необходимо для простого выживания и воспроизведения ви-

да.

Поэтому он переделывает все, что можно изменить. Функция человека – передел мира. Все во Вселенной функционально.

Человек относится к эволюционирующей окружающей среде, как ускорение к скорости. Пока не переделает все – не остановится.

В идеальном удалении «все» – это уничтожение нашей Вселенной и, тем самым, создание Новой Вселенной.

Человек как острие эволюции. Человеческая мысль и деятельность как запальный механизм Большого Взрыва.

Разум есть энергия второго рода. При минимуме собственных энергетических затрат – максимум выделения энергии из окружающей материи. Максимум производства работы и преобразования среды.

Разум есть оформление избытка энергии человека. Если младенец формируется вне человеческого общества, избыток энергии идет на приспособление организма к условиям животного выживания, превосходящим возможности обычного человека. Разум в этом случае не формируется и отсутствует.

Человек наделен от природы не разумом, но лишь способностью к разуму. Эта способность может принять форму разума – или форму иной энергоемкой адаптации к условиям жизни в окружающей среде.

Механизм физической энергии человека организован на

психическом уровне. Мы говорим о психической энергии человека как «командном уровне» его общей энергии.

Человек – это двухуровневая система. Он существует на уровне чувств и уровне действий.

Субъективно жизнь человека – это сумма ощущений, получаемых в течение жизни.

Объективно жизнь человека – это сумма действий, совершенных в течение жизни.

Разум есть оформление избытка энергии в психическом аспекте.

Разум есть трансмиссия и декодер между уровнями чувств и действий.

Ощущение возбуждает мысль. Мысль ведет к действию.

Действие трансформируется через мысль в ощущение.

Инстинкт жизни есть базовый, природный, фундаментальный уровень существования. Инстинкт жизни диктует наощущать как можно больше за жизнь.

Человек стремится к ощущениям. В зависимости от силы и типа психической (нервной) системы можно говорить, что главное, безусловное, базовое стремление человека – это стремление к максимальным оптимальным ощущениям.

И человек стремится к действиям. Максимально возможным для себя. Трансформируя их через разум, он получает от своих действий максимальные ощущения.

Получение ощущений через экстремальные ситуации – «щекотка нервов» – есть побочное следствие этого механиз-

ма.

Получение ощущений через наркотики и алкоголь – «напрямую», без действий – есть также побочное следствие этого механизма.

Самореализация – закон жизни. Биологическая сущность человека стремится к максимуму ощущений и действий.

Потребность понимать и познавать есть продолжение и развитие потребности чувствовать и действовать.

Ограничение в ощущениях, познании и поступках несомненно человеку, ибо противоречит инстинкту жизни, оформленному в стремление к самореализации.

Свобода – это стремление к неограниченной самореализации.

Свобода – это стремление к состоянию, когда человек может все.

Свобода – это стремление к такому состоянию, когда человек ничем не ограничен в сферах чувств, разума и поступков.

Это стремление к состоянию, когда человек может выделить максимум энергии. Тем самым свобода находится в полном соответствии со Вторым началом термодинамики. Говоря о священности свободы, мы признаем святость Второго начала.

Каждый, кто ограничивает мою потребность в знании – мой враг, стремящийся уменьшить мою жизнь и ослабить мой инстинкт жизни.

Ни одна мысль не бывает излишней. Ибо человек живет в мире излишних ценностей. Все ценности, которые мы называем «человеческими», излишни для простого выживания и воспроизводства индивидуума и рода. Любое ограничение моей мысли противоестественно для меня.

Человек стал человеком, когда додумался до поддержания огня.

Огонь – простейшая природная форма выделения энергии из окружающей материи – сделал человека человеком. До этого – и организация сообщества, и акустические сигналы, и применение орудий труда, и сообразительность в применении к условиям и нуждам – встречались и продолжают встречаться у разных животных.

Паровая машина – лишь регулятор энергии огня.

Поршневые и реактивные двигатели – машины энергии огня.

Овладевая энергией и преобразуя ее все активнее, человек думал, что стремится к счастью. Что бы ни делал человек – он думает, что стремится к счастью.

Но лишь малая часть наших стремлений оформлена в сознании, а основная часть живет в подсознании. Стремясь инстинктом жизни к максимальным оптимальным ощущениям, человек стремится к страданию не менее, чем к счастью.

Этим инстинктивным стремлением объясняется то, что человек сплошь и рядом, добровольно и по собственному выбору, ведет себя в такие ситуации, где страдание неизбеж-

но. Ведет – даже если предчувствует и даже предвидит страдание.

Благотворность страдания в том, что оно побуждает к мысли – по осмыслению его причин и природы, – и к действию по разрешению дискомфортной ситуации.

Стремления быть счастливым и избежать страдания – кнут и пряник, побуждающие человека к мысли и действию.

Смысл жизни – в максимальной этих чувств, мыслей и действий.

Смысл жизни – условное человеческое понятие, неприменимое к мирозданию в целом.

«Смысл» означает причастность и причинность любого чувства, помысла, действия к великой, всеобщей, конечной, Идеальной Цели, Идеальной Задаче.

Заурядный человек обретает смысл в Боге. Незаурядный человек обретает смысл в себе.

Если вам упорно нужен рациональный смысл жизни, считайте, что вы – переделыватель и перевоссоздатель Вселенной. На кой черт нужно переделывать Вселенную – не скажет никто. Но сколько кайфа в работе!

Стремясь сознательно к счастью и бессознательно к страданию, чувствуя, мысля и делая в общем все возможное, создавая попутно как неизбежные следствия учения, культуры и цивилизации, то есть будучи человеком со всем присущим ему человеческим, – в главном, в общем, в среднем, в генеральном – человек перевоссоздает Вселенную, хотя каждый

при этом преследует сугубо личные цели.

Хау! – залихватским индейским кличем закончил ослик и поклонился. – Я все сказал! Ну, в основном, конечно.

Мама встряхнула на свет пустой пузырек валерьянки. Филлиппок давно спал.

– Но отчего же он все-таки говорит? – в сороковой раз риторически вопрошал отец, выдувая сигаретный дым в сторону от ценного животного.

– Мою философию я называю ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМОМ, – добавил ослик. – Уровень эволюции энергии – базовый для всего.

Мама ссыпала со стола нарезанные ингредиенты, вывалила банку майонеза и стала намешивать салат «оливье» в тазике для стирки. Из сказанного она усвоила лишь то, что только жлобье может кормить философа капустой.

– Возможно, он с острова Валаам, – предположила она, проворачивая ложкой.

– А там что?

– Монастырь там был... святой... вроде.

– Вроде Володи! И при чем тут это?...

– Да нет, – сказала ослица – как мы помним, это была именно ослица. – Просто нашего конюха в зоопарке звали Валаамом. Такое старинное имя. Грубый был, кстати, человек.

Событием не явился хлопок на загородной дороге, обозначающий лишь, что на свете стало еще одним джипом меньше. Вспышка свилась в клок пламени, исчезнувший над лесом в ночном небе.

Текел

Москва-Апокалипсис

1. Жара

... Жара в Москве вначале была незаметна. То есть, конечно, еще как заметна, но кого же удивишь к июлю жарким днем. Потели, отдувались, обмахивались газетами, в горячих автобусах ловили сквознячок из окон, страдая в давке чужих жарких тел, и неприятное чувство прикосновения мирилось только, если притискивало к молодым женщинам, которые старались отодвинуть свои округлости не столько из нежелания и достоинства, но просто и так жарко. «Ну и жара сегодня. – Обещали днем тридцать два. – Ф-фух, с ума сойти!» Хотя с ума, разумеется, никто не сходил. Дома отдыхали в трусах, дважды лазая под душ.

Так прошел день, и другой, и столбик термометра уперся в 33. Ветра не было, и в прокаленном воздухе стояли городские испарения. Одежда пропотевала и светлый ворот пачкался раньше, чем добирался от дома до работы. Расторопная московская рысь сменялась неспешной южной перевалочкой: иначе уже в прохладном помещении с тебя продол-

жал лить пот, сорочки и блузки размокали, и узоры бюстгальтеров проявлялись на всеобщее обозрение – откровенно не носившие их цирцеи сутулились, отлепляя тонкую ткань от груди, исключительно из соображений вентиляции.

По прогнозам жаре уже полагалось спастись, но к очередному полудню прогрев достиг 34. Это уже случалось в редкий год. Скандальный «Московский комсомолец» выдавал хронику сердечных приступов в транспорте и на улицах, и в метро врубили наконец полную вентиляцию, не работавшую из экономии энергии лет пять. Ошалевшие граждане в гремящих вагонах наслаждались прохладными потоками.

Суббота выдала 35, и на пляжах было не протолкнуться. Песок жег ступни: перебегали, поухивая. В тени жались вплотную; энтузиасты загара обтекали на подстилки, переворачиваясь. Парная вода кишела.

Воскресные электрички были упрессованы, будто объявили срочную эвакуацию, тамбуры брались с боя. Москва ринулась вон, на природу, под кусты, на свои и чужие дачи; под каждым лопухом торчала голова, и в глазах маячило извещение: хочу холодного пива.

Продажа пива и лимонада действительно перекрыла рекорды. Главным наслаждением манило глотнуть колющееся свежими пузырьками пойло из холодильника, фирмы сняли с телевидения рекламу прохладительных напитков: и так выпивали все, что течет.

С каким-то даже мазохистским злорадством внимали:

– Метеоцентр сообщает: сегодня в Москве был зафиксирован абсолютный рекорд температуры в этом столетии – в отдельных районах столицы термометры показали +36,7 °С. На ближайшие сутки ожидается сохранение этой необычной для наших широт жары, после чего она начнет спадать. Падение температуры будет сопровождаться ливневыми дождями и грозами.

Дышать стало трудно. Солнечная сторона улиц вымерла. Плывая в мареве по мягкому асфальту, прохожие бессознательно поводили отставленными руками, стремясь охладиться малейшим движением воздуха по телу.

Июль плыл и плавился, и солнце ломило с белесых небес.

И долгожданные вечера не приносили облегчения и прохлады. Окатив водой полы, спали голыми поверх простынь, растворив окна, и утром вешали влажные постели на балконах, где уже жег руки ядовитый ультрафиолет.

Дождей не было, а поднялось до 38, и это уже запахло стихийным бедствием. Примечательно, что те, чьей жизни непосредственно жара не угрожала, не болело сердце и не подпирало давление, воспринимали происходящее не без любопытства и даже веселого удовлетворения: ох да ни фиги себе! ну-ну, и долго так будет? вот да.

Сердечникам было хуже. Под сиреной летала «скорая», и десяток свалившихся на улице с тепловым ударом увозился ежедневно.

Вентиляторы – настольные, напольные, подвесные и кар-

манные, с сектором автоповорота и без, простые и многорежимные – стали обязательной деталью быта; вращение, жужжание, комнатный ветерок вошли в антураж этого лета.

А явно заболевший паранойей градусник показал 39, и его приятель и подельник барометр мертво уперся в «великую сушь».

– Ниче-го себе лето!..

Полез спрос на автомобильные чехлы, и только белые, отражающие солнце. Оставленная на припеке машина обжигала, сидение кусало сквозь одежду – рвали с места, пусть скорей обдует. Богатые лепили автомобильные кондиционеры, что в странах жарких нормально или даже обязательно.

Кондиционер стал королем рынка электротоваров. Их ящики выставились в окна фирм, и теплая капель с фасадов кропила прохожих, оставляя неопрятные потеки на тротуарах.

На верхние этажи вода доходила только ночью. Набирали кастрюли и ведра для готовки, наполняли ванну – сливать в унитаз, мыться из ковшика над раковиной.

В связи с повышенной пожароопасностью лесов были запрещены выезды на природу, станции и шоссе перекрыли млеющие пикеты ГАИ и ОМОНа. Зыбкий желтоватый смог тлел над столицей.

В этих тропических условиях первым прибег к маркизам (забытое слово «маркизет»!) Мак Дональдс. Жалюзи помогали мало и закрывали витрины – над витринами простер-

лись, укрыв их тенью, навесы ткани. И спорые работяги на телескопических автовышках монтировали металлические дуги на солнечные фасады – Тверская и весь центр расцвелись, как флагами, пестрыми матерчатыми козырьками.

– О черт, да когда ж это кончится... ф-фу, Сахара...

Появились объявления: «Прачечная временно закрыта по техническим причинам». «Баня временно не работает в связи с ремонтом водопровода».

– Небывалая засуха поразила Подмоскowie. Пересыхание источников привело к обмелению многих водоемов. Уровень воды в Москва-реке понизился до отметки два и семь десятых метра ниже ординара.

При 40 реальную нехватку воды ощутили заводы. Зеркала очистных сооружений и отстойников опускались, оставляя на месте водной глади бурую вонючую тину, под иссушающим зноем превращающуюся в шершавую слоеную пленку.

Караванами поперли многотонные фуры с прицепами воду в пластиковых канистрах из Финляндии и Германии, канистры эти с голубыми наклейками продавались во всех магазинах и ларьках.

А градусник лез, и был создан наконец Городской штаб по борьбе со стихийным бедствием, который возглавил мэр Москвы Юрий Лужков. Жесткий график почасовой подачи воды в жилые кварталы. Советы в газетах: носить только светлое, двигаться медленно, не выходить на солнце, много пить, употреблять холодную пищу, и веселая семейка в те-

лепередаче «Семейный час» деловито делилась опытом: как только дают воду – муж быстро моет полы, жена шустро простирывает (не занашивать!) белье, дочь резво споласкивает (не жрать жирного в жару!) посуду – двадцать минут, потом по очереди скачут в душ, семь минут на человека, вытираться уже в коридоре – еще двадцать минут, и еще двадцать минут наполняется ванна на предстоящие сутки: час – и все в порядке, все чисты и свежи.

Раньше плана и вообще вне плана вставляли предприятия и конторы на коллективный отпуск. Все равно работать считай бросили. Устали. Ждали спада, дождя, прохлады.

И появились голубые автоцистерны-водовозки. Загремели ведра. Активисты из жильцов собирали деньги по графику: машина заказывалась по телефону, фирмы развернулись мигом, возили из Шексны и даже Свири, дороже и престижней была ладожская вода, но очереди на вызов росли, машин не хватало.

И вышла на улицу ветхая старушка с забытым в истории предметом – довоенным солнечным зонтиком. Гениально – идти и нести над собой тень! Цены прыгнули ажиотажно, крутнулась реклама, контейнеры бамбуковых зонтов с росписью по синтетическому шелку поволокли челноки из Китая.

– Слушайте, это ж уже можно подохнуть! Что делается?! Ничего себе парниковый эффект пошел.

– Ну, не надо драматизировать. Для Ташкента – нормаль-

ная летняя температура.

Здесь был не Ташкент, и при сорока трех градусах стали жухнуть газоны. Ночами поливальные машины скупно обрызгивали только самый центр. Листва сворачивалась и шуршала сухим жестяным шорохом.

Духота верхних этажей под крышами стала физически труднопереносимой. Городской штаб изучал опыт Юга и изыскивал меры: крыши прогонялись белой, солнцезащитной, краской – эффект! Любая белая краска вдруг стала (еще одно забытое слово) «дефицитом» – граждане самостоятельно защищались от зноя.

Не модой, но формой одежды сделались шорты. Модой было, напротив, не носить темных очков и настоятельно рекомендуемых головных уборов. Отдельная мода возникла у стриженных мальчиков в спортивных кабриолетах – белые пробковые шлемы.

Первыми на ночной график перешли рестораны – те, что и были ночными, просто закрывались днем за ненадобностью. С одиннадцати до пяти дня прекратили работу магазины, навесывая утром и вечером. И очень быстро привычным, потому что естественным, стало пересидеть самую дневную жару дома, отдохнуть, вздремнуть – вошла в нормальный обиход сьеста. Замерла дневная жизнь – зато закипела настоящая ночная: в сумерки выползал народ на улицы, витрины горели, машины неслись – даже приятно и романтично, как отдых в Греции.

На сорока пяти все поняли окончательно, что дело круто не ладно. Ежедневно «Время» информировало о поисках учеными озоновой дыры и очередном климатическом проекте. Информация была деловито-бодрой, но причины феномена истолкованию не поддавались.

В пожарах дома полыхали, как палатки. Пожарные в касках и брезенте валились в обмороки. Пекогонов не хватало, воды в гидроцентралях не было, телефонные переговоры об аварийном включении не могли не опаздывать. В качестве профилактических мер отключили газ; плакаты заклинали осмотрительно пользоваться электроприборами и тщательно гасить окурки. За окурочек на сгоревшем газоне давали два года.

На сорока семи потек асфальт тротуаров и битум с крыш. Под кондиционером дышать можно было, но передвигаться днем по городу – опасно: босоножки на пробковой подошве (иная обувь годилась плохо) вязли, а сорваться босиком – это ожог, как от печи.

Опустели больницы. В дикой сауне палат выжить не мог и здоровый. Одних забрали родственники, другие забили холодильники моргов.

Ночами экскаваторы еще рыли траншеи кладбищ. Стальные зубья ковша со звоном били в спекшуюся камнем глину.

И перестал удивляться глаз трупам на раскаленных улицах, которые не успел подобрать ночной фургон. Газы бродили в их раздутых и с треском опадающих животах, кожа

чернела под белым огнем, и к закату тело превращалось в сухую головешку, даже не издающую зловония.

Но и при пятидесяти город еще жил. По брусчатке старых переулков и песку обугленных аллей проскакивали автомобили, на асфальтовых перекрестках впечатывая глубокие черные колеи и швыряя шмотья из-под спаленных шин. Еще работали кондиционированные электростанции, гоня свет и прохладу деньгам и власти. Прочие зарывались в подвалы, дворнички, подземные склады – в глубине дышалось.

Еще открывались ночами центральные супермаркеты, зовя сравнительной свежестью и изобилием, а для бедных торговали при фонариках рынки. Дребезжали во мгле автобусы, и пассажиры с мешками хлеба и картошки собирали деньги водителю, когда путь преграждал поставленный на гусеничные ленты джип с ребятками в белых балахонах и пробковых шлемах, небрежно поглаживающих автоматы.

Днем же господствовали две краски: ослепительно белая и безжизненно серая. В прах рассыпался бурьян скверов, хрупкие скелетики голубей белели под памятниками, а в сухом мусоре обнажившегося дна Москва-реки дотлевали останки сожравших их когда-то крыс, не нашедших воды в последнем ручейке.

Дольше жили те, кто собирался большими семьями, сумел организовать, сообща заботиться о прохладе, воде и пище. Ночами во дворах мужчины бурили ручными воротами скважины, стремясь добраться до водоносных пластов.

Рыли туалеты, строили тентовые навесы над землянками. По очереди дежурили, охраняя свои скудные колодцы, группами добирались до рынков, всеми способами старались добыть оружие.

Спасительным мнилось метро, не вспомнить когда закрытое: передавали, что там задохнулись без вентиляции; что под вентиляционными колодцами властвуют банды и режутся меж собой; что спецхрана защищает переходы к правительственному городу, стреляя без предупреждения; что убивают за банку воды.

Градусники давно зашкалили за 55, и в живых оставались только самые молодые и выносливые. Телевизоры скисли давно, не выдержав режима, но держались еще древние проводные репродукторы, передавая сообщения о подземных стационарах, где налаживается нормальная жизнь, о завтрашнем спаде температуры – и легкую музыку по заявкам слушателей.

Свет и огонь рушились с пустых небес, некому уже было ремонтировать выгнутые рельсы подъездных путей и севший бетон посадочных полос, и настала ночь, когда ни один самолет не приземлился на московских аэродромах, и ни один поезд не подошел к перрону.

Последним держался супермаркет на Новом Арбате, опора новых русских, но подвоз прекратился, замер и он, и ни один автомобиль не нарушил ночной тишины.

С остановкой последней электростанции умолк телефон,

прекратилось пустое гудение репродуктора, оборвали хрип сдохшие кондиционеры.

Днем город звенел: это трескались и осыпались стекла из разошедшихся перекошенных рам, жар высушивал раскрытые внутренности домов, постреливала расходящаяся мебель, шелкали лопающиеся обои, с шорохом оседая на отслоенные пузыри линолеума. Крошкой стекала с фасадов штукатурка.

Температура повышалась. Слепящее солнце пустыни било над белыми саркофагами и черными памятниками города, над рухнувшей эспланадой кинотеатра «Россия», над осевшими оплавленными машинами, над красной зубчаткой Кремля, легшими на Тверской фонарными столбами, зияющими вокзалами...

2. Холод

— Да спи ж ты, горе мое... ночь уже! Уже у бабушки глазки слипаются, скоро бабушка с пуфика этого гепнется. Холодно? Сейчас тепла прибавлю... ох. Разве ж это холодно...

В Москве? Да уж, холодно... не приведи Бог. Нет, не в той, что в Алабаме, а в настоящей, в России... В той, что в Алабаме, негры, а в настоящей — русские. Ну хорошо, не негры — афромириканцы.

Сначала? Сто раз ты уже слышал сначала... и кино показывали! Ну хорошо, хорошо, только ты глазки закрой.

Сначала ничего такого и не было. Ну, снег первого октября прошел. Так это бывало. Красивые такие белые хлопья, кружевные, подсиненные. И все стало красивым – белым и пушистым: и дома, и деревья, и улицы, и ограды. Да – как хлопок, только блестит и хорошо пахнет, как свежее яблоко из холодильника.

Он назавтра растаял, а назавтра снова снег повалил, и лег, не растаял. На улицах грязь черная, их поливали и посыпали, чтоб таяло – а кругом снег.

А по ночам морозы ударили. Чистые пруды замерзли, и Яуза замерзла, и Москва-река замерзла. Ветер дунет – лед белый, ровный. Как замерзла? А как лед в морозильнике. Только шириной с футбольное поле. Точно, как хоккей.

Уборочные машины снег убирали – у них такие ленты с железными лапами: раз-раз – и весь снег уже пересыпали в грузовик, и за город увезли. Люди в шубах ходили, в дубленках, в теплых пальто. В домах – батареи горячие. Встанешь утром – солнце красное, деревья белые, небо синее с зеленым краем: красота! Ядреная русская зима. Что такое «ядренная»? Это то, что дальше будет.

Минус тринадцать ночью было, потом еще – минус семнадцать. Выйдешь – нос пощипывает, глаза слезятся. А к концу месяца раз бац – двадцать два мороза. Уж и руки в перчатках мерзнут. Пассажиры на остановках подпрыгивают. Поднимется термометр на пару дней – а потом еще пуще мороз.

А на Седьмое Ноября грянуло под тридцать. Это уже что-

то редкостное. Хотя и ничего такого. Бывало. И в восемьсот двенадцатом морозы были сильные да ранние, и в сорок первом. Но – холод сильный. Ветерок дохнет – и лицо дубеет, даже дыхание перехватывает.

Что хорошо – машин меньше ездить стало. Многие завестись не могли. А троллейбусы ходили, и автобусы: на стеклах лед, ничего не видно, а так ничего. В метро вообще тепло, народ расстегивался, отогревался, пока ехал. Потом выходили потные – простужались, конечно.

Обычно такие морозы ну неделю стояли, ну две, ну три... а тут все не отпускали в том году. В квартирах-то холодно у простых людей! Дом хоть бетонный-панельный, а хоть и кирпичный, стены тонкие промерзли, рамы со щелями, ветер в окно навалится – и все тепло выдувает. У кого шестнадцать градусов, у кого и тринадцать стало. Батареи уже не горячие, тепло дойти по трубам не может под землей, остывают трубы в мерзлоте... Нет, это не тепло – это по Цельсию, а не по Фаренгейту. По-настоящему сколько?... О господи... какая дурацкая система!.. нет дурацкая, не спорь!.. сейчас... тридцать два да четырнадцать – сорок шесть, на два – двадцать три... погоди, там чего – отнимать тридцать два надо? А где у нас градусник, две шкалы там еще? Погоди... не видно потому что! В общем, пятьдесят по твоему Фаренгейту. Это для дома-то не холодно?! Да согреться только на кухне, а там газ еле горит – все жгут по городу, греются.

В городе уже объявляют аврал. Аврал? Это когда все ра-

зом суется. Точно – от суеты теплее. Типа «Давай-давай»: «Москвичи – согреем город теплом наших сердец!» Ну что ты, не плачь, никто сердец не вынимал! Но вообще мысль интересная... хорошо еще властям в голову не пришла. А так – поезда, цистерны, нефть, газ, мазут, жертвования олигархов, гуманитарные снегоуборщики – все чин чинарем. Чинарем? Путем, значит. Каким путем? Ну, думали, что светлым... и теплым. А только у небесной канцелярии свои пути.

Аккурат первого декабря грянуло сорок. О! Это уже было серьезно. Раз в тридцать лет так жмет. Запахло трудностями. Как запахло? Нехорошо запахло.

Дома сидишь в трех кофтах. На ночь все теплые вещи на одеяло наваливаешь. По улице передвигаешься – от магазина до магазина: шасть в дверь – и отогреваешься. Продавщицы в шапках. На ярмарках валенки продают и калоши откуда-то появились: чтоб не промокали.

По полу мороз. По стенам иней. На стеклах ледяные узоры. По мостовым машины скользят по черному льду и друг в друга с хрустом тычутся: не тянут дорожные антиобледенители таких морозов.

Изматывает такой холод. Не согреться, из горячих кранов водичка еле теплая. Душ принять – воспаление легких. Водку все глушат – изнутри греются.

Бомжей перемерзло – немерено. Ну – бродяги бездомные. Одеколону выпил для сугрева, закемарил – и готов, окоченел. Одеколону? А он дешевый был. Да, и пахнет хорошо.

Точно, они пахли нехорошо.

Утром новости смотришь по телевизору – семьдесят замерзло, сто замерзло. Ужас!

А пятого декабря, на день старой Конституции... нет, это был день Советской... чего?... ну русской, короче, конституции, – под утро дало сорок три. Рекорд столетия. Глупыш ты со своим Гинесом!.. Стали в домах кое-где трубы замерзать и батареи лопаться. В Марьиной Роще три квартиры утром не проснулись – ледышки. Ночью за город шофера не ездили: заглохнет машина – и конец. А уж в аэропорты какие цены заламывали!

Министерство Чрезвычайных Ситуаций надрывается. В школах занятия для всех классов отменили. Некоторые больницы перестали принимать, а наоборот – стали больных из промерзших палат эвакуировать: кого домой, кого в другие... кого и в морг. Операционные нагревают электрорадиаторами.

Сорок четыре! Катастрофа! Сенсация! Дума заседает... а? ну – Сенат заседает, Конгресс заседает, мэр экстренные заседания круглые сутки... какой тебе Шварценеггер! Лужков, мэр Москвы! Какая тебе Алабама, минус сорок четыре – это тебе не Алабама, мой мальчик! Это Луна!

Шойгу по сугробам бегают... Шойгу – это не медведь, это был министр! Зачем бегают? А черт его знает!.. Руководит спасением замерзающих, в общем.

Спальные районы вымерзают повально. Туда гонят армей-

ские полевые кухни – кормить людей горячей пищей. Банки и фирмы уплотняют в их офисах – делают общаги, отселяют в них народ из вымерзающих кварталов.

... Ночью луна огромная, и звезды в черном космосе. Снег под ногами не скрипит уже, а жестко так повизгивает. Дышишь сквозь шарф, а он сырой и колючий от ледяной крошки – дыхание в нем замерзает.

Сорок пять! Троллейбус еще движется – стонет, жестяной ледник на колесах, изо ртов пар, ноги дубеют. Хлоп – встали. Что? – провода обледенели, двигатель сдох. Простоял троллейбус ночь в парке на морозе – конец ему. А стали разогревать горящими тряпками в ведре с бензином – вспыхнет белым факелом троллейбус, на морозе все здорово горит.

Котельные летят одна за другой. Топки прогорают, форсунки летят – не тянут они нужной температуры. Откуда так знаю? Так писали про это...

Днем потеплеет чуть – а ночью жмет. Днем теплеет – ночью жмет. Ух жмет! Ну вконец. До сорока шести дожало...

На улицах белых – сугробы и пусто, и машины под сугробами. У кого машины в теплых гаражах ночуют – у богатых – еще ездили. Общественный транспорт редко-редко проковыляет, набитый. Предприятия встают, людей в неоплачиваемый отпуск гонят. Все тепло стараются на жилье давать...

По тротуарам тропки прорыты, и редкий народ – шашь-шашь, укутаны-замотаны до глаз, только ресницы в инее хлопают. Магазинов все меньше открытых – подвоза нет,

тепло выстужено.

А дома стены в измороси, газ еле тлеет, электричество тусклое, а телик все: не жгите газ! Одни отравились, другие взорвались, третьи сгорели... А как не жечь, если суп в кастрюле замерзает без всякого холодильника?

Мы в спальне окно законопатили, стены всеми коврами завесили, кровати вместе сдвинули – там и жили. Все так делали.

Купили на рынке буржуйку. Железные печки везде делать стали, в газетах объявления: «Печи временные дровяные», «Печи мазутные», и угольные, и бензиновые, и с трубами, и с вытяжками, и всякие, хоть с доставкой, хоть с установкой, хоть как. Поставил такую вроде бочечки в спальне, трубу жестяную в окно вывели, вместо стекла – фанерку, дыру гипсом замазали. Пилу тоже купили, кусты заготавливали в нашем сквере. Милиция не трогала, все пилили... ой, дрались из-за дров как! И деревья везде пилили, и заборы, в парках пни из снега торчат. Купить? Можно, у метро продавали, но деньжища драли немереные. А ментам они платили и прямо в парках лес и валили, заготавливали. А уж доски на стройках все покрали – это сразу.

И еду уже варили в спальне, на буржуйке.

А на Новый год шарахнуло пятьдесят два. И поняли мы, что раньше были цветочки. Куст пилишь – он звенит. Зазевался – и пила пополам, хрупкий металл делается. Принесешь пучок – а лицо в белых пятнах. А потом они коричне-

вые становятся.

Обмороженных много стало. Носы черные, скулы черные, пальцы черные... Пневмония косить пошла, как чума – хватанул воздуха поглубже, и обморозил легкие. Телевизор все учит: дышите через шерстяные вещи, через меховые, сдвигайте их после выдохов в сторону, чтоб новый вдох через сухой мех шел. А откуда у всех мех?...

А горе стало, когда водопровод замерз. Ой-ё-ёй... Если река или пруд близко – там проруби. А большинство снег растапливали. А промерзло все до дна – лед колотый носили.

Туалеты тоже замерзли. В ведерки ходили. Утром несешь на помойку – там гора бурая. И драки: один парашу вылил – а другой хотел снег для питья набрать! На всех и снега не хватало... Как он повалит – так все с ведерками, трамбуют...

Богатые еще неплохо жили. В этих комплексах элитных котельные свои были. И рестораны у них еще работали, и машины бегали.

Мы потому и живы остались, что папа твой устроился охранником в такой комплекс. Прежнего-то убили, когда народ пытался ворваться в такой дом, в тепло. А? Ну... работа у него такая...

А? Ну, революция не революция, а без бунтов как же. Обязательно. Задавят толпой охранников, перебыют богатых, а сами семьями в теплые хоромы вселяются. Но там тоже стали быстро отключать отопление. Все вымерзли. У бедных на топливо где деньги, где знакомства? Конечно звер-

ство. А что делать. У одних дети замерзают, а другие в бассейнах плавают. В тех бассейнах и топили. А охрана прикинет – и разбежаться стала. На всех пуль не хватит, а тем так и так помирать.

Грабить стали вообще страшно. Одежду снимали, еду отбирали. Буксует через снег джип, догонит – наставят бандюки стволы и раздевают. А это при пятидесяти пяти – смерть очень быстрая. Нижнее оставят бедолаге, он добежит по ближайшего подъезда – а там тоже все ледяное, все закрыто... За шубу, дубленку, валенки – сразу, почитай, убивали. Полиция? Милиция. Тоже убивала. Там самые бандюки и работали.

И вот выждали мы полудня, чтоб чуть теплей стало, и поехали. Надели все на себя, еду забрали, чайник. И как до метро дошли – сами удивлялись. Жить хотелось.

Метро до последнего держалось. Свет тусклый, лампочки не все горят... но теплей, чем наверху. Эскалаторы остановлены для экономии энергии, так все идут. А в вагонах вообще терпимо – народ дышит, элетродвигатели еще греют.

Поднялись наверх – а троллейбусы уже не ходят. Солнце, лед, космос, одним словом. И удалось нам маршрутку одну уговорить. Минивэн. Там кавказцы заправляли. Отдали им мамин золотой браслет и мое колечко с рубином, и нас один черный такой довез. Дай ему Бог здоровья, ведь мог и выкинуть по дороге, а хоть и раздеть. Честно довез... хороший человек.

И стали мы жить в комплексе «Золотые Ключи». Комната маленькая, одиннадцать метров. Зато тепло! Ну, градусов двенадцать. Вода идет, туалет работает, пальто снять можно. Ожили мы там. А ели папин паек, ему от комплекса давали. Немного, но ничего, чайник кипятили. Деньги уже стали без надобности. Все закрыто, покупать нечего. Какие медведи?... в зоопарке всех зверей давно поели...

И вот ведь: вымирает народ, а преступности и хулиганства много. Стекла бьют – а ведь это смерть. Памятник Пушкину разбили. Как? А просто, говорят, камнем ударили – он и рассыпался. Ниже шестидесяти металл совсем хрупкий становится.

Ночи все чернее, мертвее. Где провода хрупнули, где просто район победнее отрубили. Вывески и витрины из экономии давно отключили, магазины закрыты, погасли. Нет света – нет телевизора. Пара газет выходит, экономить призывает. А что уже экономить? Вечерами при свете печек сидят, кто не померз...

А днем – белое безмолвие. Деревья, кусты – вырублены, пожгли. Техника переломалась, бензин густеет при таком морозе...

Хоронили? Кому там хоронить. Земля тверже камня. Дом ломается. Ледышками в домах и лежали... окна темные и сугробы до второго этажа. Редко-редко кто проковыляет, укутанный, как мешок тряпья.

И богатых машин все меньше. В стеганых кожах, стек-

ла двойные, салоны утепленные, дополнительные печи. А тряхнет на ухабе – и полетела подвеска, как стеклянная, и шины лопаются, хрупкие от мороза.

Виски? Коньяк? Ага. Давно выпили все, что горит.

Людоеды? А вот и были. Денег нет, еды нет, ничего нет. Соседа и съедят. А что делать. Не от хорошей жизни. Еще бы не страшно!

Как. Так. Стоит автобус в сугробе, а в нем – ледяные мушкетеры, вот как.

И если бы твой папа не угнал ночью из гаража джип-«мерседес» одного банкира, и не успели бы мы к утру в Шереметьево – тоже бы замерзли. А там еще была гуманитарная миссия, но она увозила только женщин и детей. Вот ты, мама и я и улетели, а папа твой там остался. Уж так он радовался, что мы уезжаем... Не плачу я, не плачу, тебе показалось. Закрой глазки, спи.

Весна? Весна так и не наступила. Вот, понимаешь, какая штука. Да: наступала весна каждый год, наступала, а потом однажды взяла и не наступила. Не бывает? Все когда-нибудь бывает...

Дальше? Потом? Не было дальше. Не было потом.

Вместо весны было минус семьдесят. Тут уже отопление замерзло в самых лучших домах. Ох, да лучше бы ты уже спал!

В Кремле поставили индивидуальное отопление. Одежду стали носить полярную, как в Антарктиде; лучшую – на гага-

чем пуху. На полярных снегоходах ездить стали. При восьмидесяти градусах человек уже никак жить не может. Так... высунуться в скафандре ненадолго. Какой это мороз? А такой, что ледышка с крыши упадет за километр – звук ясный, четкий, звонкий.

... Что там сейчас? А ничего. Вот такой полюс холода. Метеорологический феномен. В «Вечернем Нью-Йорке» недавно был репортаж с орбиты: «Феномен космической истории» назывался. Отчего? Вот ученые и выясняют. А старые люди говорят – судьба, значит, такая выпала.

3. Ветер

Прогноз погоды. По Москве ветер с восточных направлений, слабый до умеренного, 5–8 метров в секунду...

Просьба... закрой форточку, дует!

Строчка песни... Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада!..

Мальчик, пускающий змея. Ух ты, как вверх попер! Леска бы выдержала...

Велосипедист. Ат-лично, даже в спину давит, как парус.

Пенсионер. Молодой человек! шляпа катится – вон! хватайте! вот, спасибо...

Девушка. Ч-черт... полная голова песку...

Флаг над посольством. Тррррр-хлоп! Хлоп!

Офтальмолог дежурного пункта в Никитском переулке.

Буквально замучились соринки доставать. По улицам метет, как дунет – и всякую дрянь в глаза ловят. А работяги рядом на стройке – у нас просто новокаин кончился глаза от цемента промывать. Я уже сестру в аптеку послала – ну что делать.

Воспитательница детского сада. Дети, сегодня прогулка отменяется! На дворе сильный ветер! Все играем сегодня в помещении.

Хозяйка на балконе. Простынь улетела-а!

Дворник. Твою мать, ну всю же листву срывает! Это потом пока все подметешь – горб надорвешь. А метел новых не дают, хоть на собственные гроши покупай.

Форточка. Тр-рах! Дзинн-ннь! Брень-брень-брень...

Водитель троллейбуса. Граждане, не держите двери! А что я виноват, что медленно! Сами видите, какой шквал, качнет – и удочки с проводов срывает!..

Гаишник. Это вы мне бросьте – ветром его, понимаете, развернуло. Не можете контролировать дорогу – не садитесь за руль. Это еще проверить надо, кто вам права выдавал. Держите квитанцию. Что значит – улетела?! М-мать!.. Спасибо... Чуть не упал...

Подростки. Вон у той – такая попка! счас опять ветер юбку задерет – гляди...

Начальник яхт-клуба Химкинского водохранилища. Поднимай штормовое предупреждение! И гони всех швартовать по-штормовому, разобьет кого – голову сниму, мне самому головой отвечать, тут серьезные люди!

Врач «скорой». Ну куда же вы, бабуля, в такой ураган полезли!.. Ну что вам в том магазине – с голоду вы помираете?... А теперь вот перелом бедра, и скажите еще спасибо, что головкой вас о тротуар не приложило. У нас такой случай буквально час назад был. Да лежите спокойно!

Два автомобиля. Тр-рах-тибидох-гrrррох-бздынь!!

Дерево. Скррипп-скрреннь-ккrrрраккхх-пттррр-ффф-шшш-ббу-ббуухх!!

Электропровод. Ссссс-зззз-нннь-т-т-ттеннь! Прр... фш-ш-ш-ш... р-р-сссс...

Прохожий. А!.. ах-х-х... х-х-ххх... брык!..

Учебник географии. Ветер со скоростью 24,5-28,4 м/сек называется сильным штормом. При нем деревья ломаются или вырываются с корнем, здания получают большие повреждения.

Радио «Россия». Дорога-ая моя-а столица-а!

Юморист Жванецкий. У вас кран упал!

Телефонный разговор. Слушай, просто с ног сносит. Из метро выходишь – и просто животом ложишься на этот ветер. – А у нас ветер прямо в окна, так сквозь щели столько пыли надавило – просто вся квартира в пыли. И холодно стало! – У нас на балконе фикус из кадки вырвало! – У нас на крыше напротив телевизионную антенну на глазах сломало.

Ребенок. Мама, смотри, как вороны интересно по небу летят – хвостиками вперед!

Префект Юго-Западного округа. И чтоб не-мед-лен-но!

снять все рекламные щиты! Я те покажу «проплачено»! Тебе мало, что уже двух человек у меня пришибло, как мух! Сам под щит станешь и будешь стоять, как х...! Форс-мажор, так и скажи козлам!

Владелец открытого кафе. Ловите стулья, чо встали?! Дык догоняй! Не стоишь... чтоб у тебя так не стоял!.. ползком ползи! на карачках! Уррр-рроды... вычту из зарплаты, а ты как думал?!

Глазеющие в окно секретарши. Ни фига себе, «газель» перевернуло! И несет, ты смотри! Как кубик.

Трансляция в аэропорту. Внимание! По метеорологическим условиям все вылеты временно откладываются до семнадцати часов. К сведению встречающих. По метеорологическим условиям наш аэропорт временно закрыт для приема рейсов до семнадцати часов. К вашим услугам в аэропорту имеются... Повторяю!..

Очевидец-паникер. Ту-сто пятьдесят четвертый из Краснодара пытался сесть, его так крылом об полосу приложило – сразу пополам! Ты что! теперь жди обьявы по телику. Конечно загорелся, вон слышишь – сирены воют. Да ты что, их всех просто сносит на хрен.

Министр МЧС... Временно вводится чрезвычайное положение. Я ответственно заявляю, что ситуация в Москве находится под контролем. К сожалению, имеются жертвы... на настоящий момент поступили сведения... восемь человек... реанимация... необходимая помощь... Количество пропав-

ших без вести уточняется. Главная просьба! Без крайней необходимости помещений не покидать. Старайтесь не пользоваться наземным транспортом. Метро работает бесперебойно. На случай возможного повреждения энергоснабжения водонасосных станций рекомендуется сделать в квартирах небольшие запасы воды в ваннах. В случае, кто заметит – искрят оборванные провода – сразу вызывайте аварийную помощь. Соблюдайте правила противопожарной безопасности – при сильном ветре увеличивается...

Отец семейства. Шкаф давай к окну, р-раз-два! Припирай, ну, сейчас это стекло тоже выдавит! Лицо отворачивай от осколков!.. отворачивай!

1-й поэт. Итак, начинается песня о ветре.

2-й поэт. В мир, открытый настежь бешенству ветров.

3-й поэт. Ветер, ветер на всем белом свете!

Продавщица. Больше двух свечей в одни руки не отпускаю! Всем надо! У всех электричество оборвано! Всем неизвестно когда включат! Я сама без света сижу! Покупатели, да скажите вы ей!.. Ну ваще же кончаются свечи в городе... нет на базе!

Лидер Народной партии. Обрушение... обрушение девятиэтажного панельного дома в Беляево, повлёкшее... повлекшее многочисленные жертвы, свидетельствует, что власти конкретно плюют на нужды населения. Эти хрущобы давно вышел срок сносить, дождались стихии, чтоб вызвать бедствие! Кто ответит за налоги? куда утверждают бюджет?

А я отвечаю, где деньги – в реставрации Кремля, а откат отпилен в Швейцарию! А завтра что?! Катастроф еще ждать? Ураган – он в головах! В банках ураган, а не в погоде! Элитные комплексы для олигархов – ничего, не сносит небось!

За стенами. У-у-у-у-у-у!! Ф-ф-ф-щ-щ-щ! ФФ-ССССС!!!

Лоточница в фанерной будке. Спасите-е-е!.. Ле-е-ечу-у-у-у!!!!.. у-у... у...

Ворона (*ударяясь в стену*). Карр... блямс...

Телекомментатор. Вы видите, как опасно накрывается Останкинская телебашня! Не может быть!!! Кажется, она не выдерживает!!! Да... Боже мой!!! Она падает!!! Пада... (*Экран гаснет.*)

Начальник Ленинградского вокзала. Пре-кра-тите!.. Убегите руки!.. Да не могу я поезда отправлять, не могу, запрет от мэра! Сдувает составы с путей, да поймите вы, сдувает! «Стрелу» утром сдуло, «Аврору» только скинуло, катастрофа на путях, понимаете вы или нет!!! Милиция!.. да помогите же!.. не надо-а-а!!.

Бомж. Эта, мужики, полезли, там у Ярославского электричка кверху колесами лежит, немерено всякого, выпивка есть неразбитая, тока ползти надо крепче...

Обрывок газеты. «... ебывалой силы. Специалисты из Института метеорологии утверждают, что ураган вскоре... Эль Ниньо, вследствие глобального потепле... жения арктических масс принес... реждали о катаклизмах космического

хара...»

Главврач Склифа. Я обращаюсь с просьбой к населению сдавать кровь для пострадавших. Положение пока серьезное. Вновь поступающие лежат даже в коридорах. Хирурги сутками не выходят из операционных... самодельные ставни надежно выдерживают... Аварийное освещение удовлетворяет потребности... Рекомендации? Конечно. Следует переждать ветер в подвальных помещениях. Располагаться только на подветренных сторонах жилищ, держаться дальше от окон, закрывать их подручными предметами – фанерой, снятыми с петель дверями, мебелью... Домашние аптечки...

Либерал. В Америке в торнадоопасных штатах при каждом жилище есть бетонный бункер – пересидеть ураган. И ничего, целы люди. А у нас, пока жареный петух не клюнет! Проклятие над страной – наше же собственное разгильдяйство.

1 – й певец. Только ветер свистит в проводах...

2-й певец. Я песней, как ветром, наполню страну!

3-й певец. А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!

Детский хор. Ты лети, ветерок!..

Брандмейстер. Алло! Алло! Да не могу я направить расчет, не могу! Что значит – отвечу?! Я щас так те отвечу!! Нету у меня машин, нету! Где, ну где, как вы думаете?! Унесло все к ядреной матери, понял-нет? Вам скорость ветра известна? Да все равно сейчас все сгорит, как порох!!! Я сам в подвале сижу, милый мой!..

Обрывок дневника. «... ревья вырывает с корнем. Они несутся в небе, как ужасик про катастрофы. Мама все еще не пришла с работы и не звонила. Крыш вообще не осталось, слетали как фантики. Два часа назад сдуло „книжки“ с Нового Арбата – они легли на мостовую, рассыпаясь на лету, и накрыли дома на другой сторо...»

Ветеран. Вихри враждебные веют над нами!

Осел (в руинах Зоопарка). И-ааа!! И-ааа!!

Наземная станция космического слежения. – Слушай, на снимках – там будто гигантское сверло из стратосферы вкручивают, вращается на глазах, в жизни себе такого представить не мог!

Сдавленная толпа в метро. *Женищина с двумя сумками*: А что будет, когда свет-то погаснет? – *Лысый мужчина*: По крайней мере, хорошо, что дышать есть чем... пока... – *Студент*: Я на Смоленке успел вскочить, МИД снесло, как бритвой, там аж асфальт с тротуаров заворачивает! – *Мать – дочке*: Какое ж сейчас «домой», там по ровному месту кирпичи скачут... – *Работяга*: У нас одного в стену влепило так – будто с самолета упал! – *Моряк*: К ветру чуть повернешься – тут же легкие лопаются, как шарик. – *Толстуха*: Вход завалило, вход завалило!... – *Очкарик*: да не давите! не давите, я сказа-а-а-а!...

Рокот, подобный грому гигантской береговой гальки в штормовом накате. Г-Г-Г-Г-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!!!!!!!

С и – Э н – Э н. Мы ведем репортаж из одного из москов-

ских бомбоубежищ, сохранившихся от эпохи холодной войны. Вокруг вы видите москвичей, спасающихся здесь вместе с нашей бригадой от небывалой катастрофы. Все они остались без крова и всяких средств к существованию. Никто сейчас не может сказать, когда им удастся выйти на поверхность. Воды остается на сутки, пища подошла к концу, но паники нет. Скорость ветра наверху определяется специалистами в двести метров в секунду. Это вдвое выше, чем в основании самого разрушительного торнадо! Две трети скорости звука, семьсот километров в час! Для сравнения – с такой скоростью вылетает пуля из обычного пистолета! Воздух при такой скорости становится твердым, как бетонная стена. Наш оператор с помощью двух добровольцев сумел соорудить специальный контейнер для телекамеры, и мы рискуем хоть на секунду выставить ее наружу, чтоб вы могли своими глазами увидеть картину чудовищных разрушений. Внимание... вот вы видите буквально лунную поверхность!.. смотрите, как переворачивается в урагане вот тот бетонный угол здания!.. Еще недавно на этом месте была историческая Красная Площадь...

Ноут-бук (*гаснет в подземной канализации*)... .. шпили высоток ломались, как спички. Ветер выдувал начинку из домов, стояли каменные коробки и зияли окнами, а потом вздувались и рассыпались в крошку. Из реки выдуло, ты понял, всю воду и снесло ил – как пустая канава. Если мы увидимся – ну, будем надеяться, хотя не знаю...

ной нормы, а возможно – и двухмесячной. Канализационная система оказалась не в состоянии справиться со стихийным бедствием. Многие улицы быстро затопило. Москва-река с притоком Яузой вышла из берегов... Луцкая – что такое приток?

– Это одна река, втекающая в другую.

– Новицкая, попробуй описать своими словами картину стихийного бедствия.

– Гром гремит, земля трясется! Сверкают молнии! Черные тучи закрыли небо. Везде потоки воды, они несутся между домов. Вместо улиц реки, вместо площадей озера. Торчат крыши автомобилей, они плывут и тонут. Жители по колено в воде, и по пояс, и тоже плывут, и спасаются на столбах и рекламках. Волны перехлестывают через набережные и заборы.

– Очень хорошо. Садись. Бакурина. Попробуй представить нам картины стихийного бедствия в подземных переходах и бейсментах.

– В подземных переходах, конечно, затопило. Прохожие не успели спастись и утонули... мокрые, испуганные, жалкие, они боролись за жизнь и захлебывались... господи, ужас какой! Вода с ног сбивает, поднимается, дышать нечем, спастись некому, ужас. Бейсменты тоже затопило...

– Используй русское слово «подвалы».

– Но вы же сами сказали «бейсменты».

– Не надо слушать, что я сказала! Надо слушать, что я

говоря!

– Пожалуйста. Подвалы. Тоже, естественно, затопило, я думаю.

– Она думает... А в подвалах что?

– Что? Ну... всякие старые вещи затопило.

– Какие старые вещи в подвалах столичного мегаполиса, Бабурина?! Романов!

– В подвалах столичного мегаполиса были многочисленные богатые магазины, рестораны, общественные туалеты и склады товаров. Все они оказались затопленными наводнением. Много хороших вещей размокло и погибло. Некоторые продавцы и покупатели утонули, и многие официанты, сторожа и посетители туалетов.

– Молодец. Садись.

– А еще сантехники не могли справиться с авариями канализации!

– Очень хорошо! Садись. Слушаем дальше. Повысился уровень акваторий Химкинского и других водохранилищ. Прилегающие районы оказались затоплены под толщей воды и волн. Уровень рос, и через двое суток вода поднялась на семь метров выше ординара... Сафонов! Что такое ординар?

– Это? Хм. Вообще-то это врач в больнице. Типа должности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.